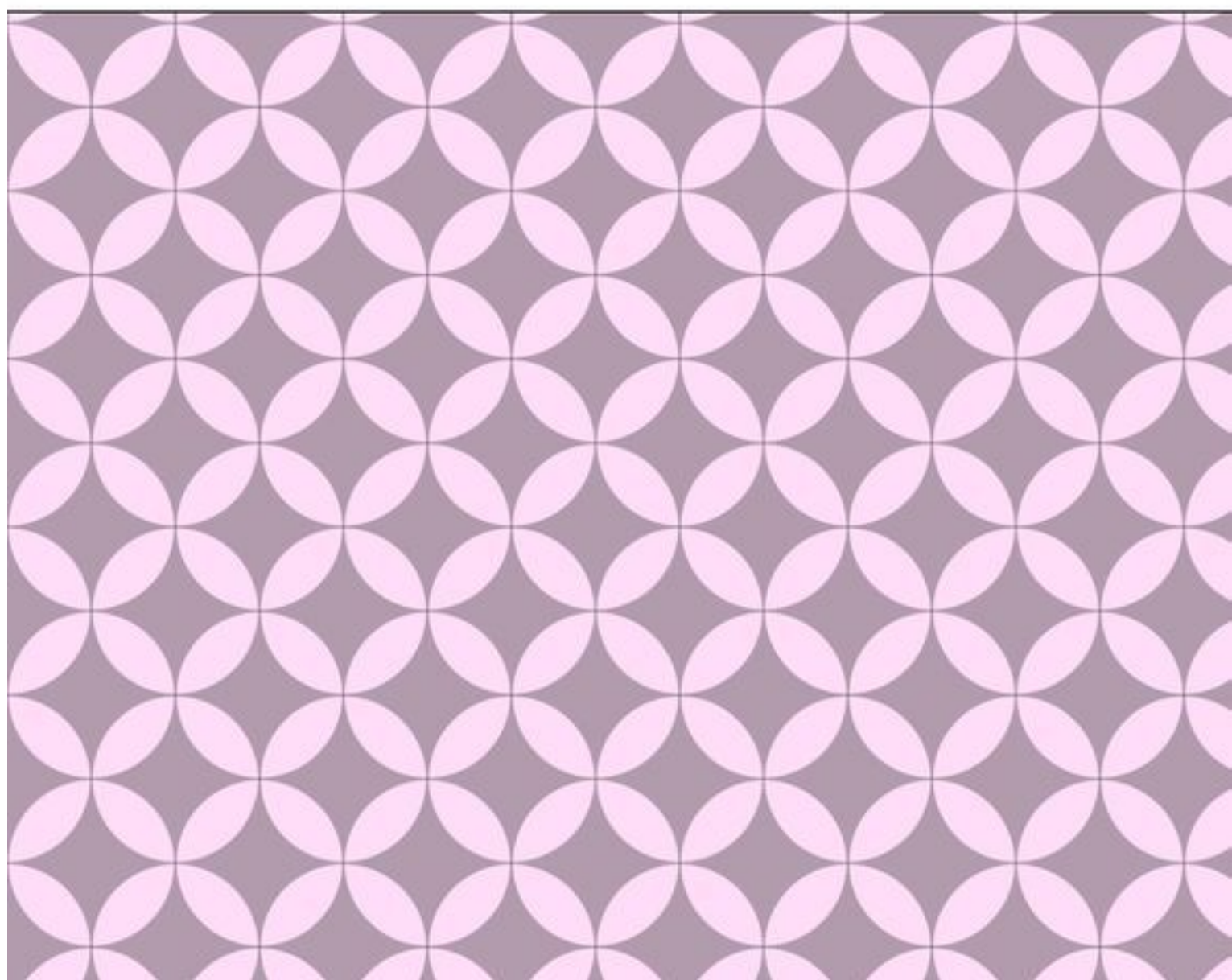

Лейла Элораби Салем

*Дугальзагесси,
царь Шумера*

Лейла Элораби Салем
Лугальзагесси, царь Шумера

«Издательские решения»

2015

Элораби Салем Л.

Лугальзагесси, царь Шумера / Л. Элораби Салем —
«Издательские решения», 2015

Эта история человека, который объединил города Шумера в одно государства, человека, который всю жизнь сражался за власть, но был свергнут новым правителем — Саргоном Аккадским.

Содержание

Часть I	6
Часть II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лугальзагесси, царь Шумера

Лейла Элораби Салем

© Лейла Элораби Салем, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть I

Ветер принес крупы песка, что вихрем летали над выжженной солнцем земле, которая простиралась на многие километры между двумя великими реками – Тигром и Евфратом. Зной пустыни раскалил дорогу, проложенную давным-давно, дабы люди могли ходить за водой к колодцам, вырытыми неподалеку от стремительных вод Тигра. Высокие финиковые пальмы склонили свои мохнатые стволы от порыва ветра. Маленькое облачко, проплывавшее на небосклоне, лишь на миг заслонило жаркое солнце и умчалось далеко-далеко, куда-то на север.

Высокий жрец, одетый в длинную белую юбку, накинул на широкие плечи шаль с бахромой и затем громко зевнул. Вглядываясь вдаль, где расстиралась пустыня, жрец взял в рот несколько фиников и долго их разжевывал, запивая при этом терпким вином, которое принес ему слуга. После нехитрого завтрака, мужчина уселся на стул, что стоял на балконе, и вытянул свои длинные ноги, которые быстро отекали из-за жары.

Жрец, имя которого было Укуш, являлся главным и верховным священнослужителем города Уммы, что располагался между двумя реками в Южной Месопотамии. Вся история этого города началась давным-давно, когда ему предстояла постоянная война с другим городом под названием Лагаш. Первым правителем Уммы был хитрый и расчетливый Уш, который вступил в войну с Лагашем из-за плодородной долины Междуречья, что носила имя Гуэден. Но в данной войне расчетливость сильно подвела Уша, и он был разбит врагом и казнен, а его город Умма перешел к правителю Лагаша.

После смерти Уша, власть перешла в руки слабохарактерному Энкале, который не решился отвоевывать себе свободу, а просто подчинился врагу и стал его данником. После смерти Энкале власть в свои руки взял правитель, чье имя было Ур-Лум. Это был смелый и отважный человек, который не только отказался от унижительной роли поработанного города, но и решил выступить против тогдашнего царя Лагаша Энанатума I. Ур-Лум мечтал сам захватить Лагаш и присоединить его к своим владениям, но поход закончился неудачей: уммийцы не смогли взять приступом хорошо укрепленные стены Лагаша, и им пришлось отступить.

Следя за своим войском, которое каждый раз возвращалось с поле боя побежденным и усталым, Ур-Лум поднимал руки к небу и горестно вздыхал, повторяя одну и ту же фразу: «Ах, если бы боги даровали мне победу, тогда этот проклятый Лагаш покорился бы мне, а все его жители склонились бы передо мной!»

Но боги, которых выдумали древние жители Шумерии, оставляли вопрос царя без ответа.

Когда умер Ур-Лум, власть перешла в руки жреца по имени Илю, который не смотря на свой сан, повел свою армию против старого недруга – Лагаша в 2350 году до нашей эры. Но как и Ур-Лум, новый правитель Уммы так и не смог завоевать Лагаш, из-за чего долина Гуэден осталась в руках царя Лагаша.

Прошло немало лет с тех пор. Власть над Уммой постепенно начала ослабляться. И жители города больше не боялись грозного войска Лагаша, которое до этого патрулировало улицы, жестоко карая тех, кто не проявлял должного трепета перед завоевателями.

Вспоминая все это, Укуш слегка улыбнулся и сжал в руке талисман, что висел у него на шею. Прошло несколько минут, и жрец опустил руки на ручки стула и громким голосом подзвал слугу. Тот с поклоном приблизился к нему и встал, опустив голову. Жрец лишь мельком взглянул на него и спросил:

– Уману, где сейчас мой сын?

– Господин, ваш сын только что закончил трапезу и сейчас собирается на охоту вместе с сыном командира лучников.

– Охота, в такую жару? – Укуш рассмеялся и потребовал. – Для забав у него еще будет время, сейчас позови его ко мне.

– Да, господин, – слуга сложил руки на груди и низко поклонился. Затем выпрямился и быстрым шагом направился вглубь дворца.

Смотря ему вслед, жрец откашлялся и вдохнул в грудь аромат цветов, что росли в саду, неподалеку от маленького бассейна, в котором плавали красивые рыбки. Мужчина посмотрел на свои жилистые руки, согнутые в локтях, затем на тонкие пальцы, унизанные перстнями. Вены на руках сильно вздулись, отчего стало трудно сжимать и разжимать пальцы. Укуш постарался не думать о днях ушедшей молодости, когда он, будучи юношей, мог целыми днями проводить на улице, не чувствуя ни жаркого солнца, ни раскаленных ветров пустыни. Тогда он мог гордиться собой: высокий, красивый молодой человек, которого посвящали в жрецы города Уммы. Тогда ему было весело на душе, он становился вторым человеком после правителя города, чье мнение было не менее важным, чем мнения чиновников и вельмож. Но все это было давно. Сейчас годы уже не те, да и Укуш давно не тот. Воспитывая сына в духе религии, жрец не мог не заметить того, что его маленького Лугу совсем не тянет учить магические заклинания в честь богом, проводить старинные ритуалы в храмах, где множество жрецов воскуряли перед статуями божества дурманящие благовония, от чего голова начинала кружиться, голоса растворялись в общем гуле, и уже никто никого не видел: были лишь статуи богов да дым, поднимающийся над курильницами.

Но Лугу это было неинтересно. При первой же возможности он убежал из храма, дабы поиграть с уличными мальчишками, что гурьбой бегали по узеньким улочкам города, гамом и шумом гоняясь за голубями да уличными собаками.

Несколько лет назад, когда Лугу было всего лишь двенадцать лет, отец отправил его в школу жрецов, перед дорогой наказав прилежно слушаться учителя и быть примерным учеником.

– Отец, но я не хочу быть жрецом! – воскликнул мальчик, которому явно претила карьера священнослужителя.

– Сын должен почитать отца своего как богов и идти по стопам своего родителя, – ответил Укуш, явно не довольный тем, что мальчик смеет проявлять непочтение к старшим.

– Но, отец, – начал было Лугу, как вдруг получил пощечину от отца, который грозно посмотрел в большие карие глаза сыну и тихо проговорил:

– Я уже тебе все сказал, сын мой. Теперь можешь идти.

Обиженный мальчик, потирая пылавшую словно от ожога щеку, только было направился к дверям, как услышал еще один приказ отца:

– Да, чтобы ты ненароком не убежал из школы, с тобой пойдет раб Набиту.

«Только этого еще не хватало!» – яростно проговорил сам себе Лугу, остро осознавая, что никак не сможет укрыться от пристального взгляда старого Набиту, который не смотря на возраст, был огромного роста и недюжинной силы. Особой отметиной был его шрам на все лицо, которого боялся Лугу, когда был еще совсем маленьким.

Теперь же мальчик боялся послушаться отца, потому как знал, что Набиту всю жизнь верой и правдой служил Укушу и ни разу не обманывал того даже по пустякам.

Идя по забитым народом улицам Умма, Лугу с нескрываемой завистью смотрел на детей из бедных семей, которые никогда не ходили в школу. Вот, сидит на ступенях своей лачуги мальчуган лет десяти и играет с маленьким котенком. А вон три девочки в стареньких грязных платяницах собирают опавшие финики и тут же быстро их едят. «Везет беднякам, – думалось Лугу, – в школу не ходят, ничего не учат. Весь день свободный. А мне после школы придется делать домашнее задание, иначе учитель Анабушу даст мне по спине десять палок».

В школе ребята взяли глиняные таблички и уселись на тростниковые циновки и, скрестив ноги, приготовились писать изречения старого храмового учителя, который фанатично верил в богов шумерского пантеона.

– Итак, – начал учитель, поглядев на учеников сверху вниз, которые уже приготовились к лекции, – сегодня я расскажу вам о создании Вселенной, которую сотворили наши боги. Когда-то не было ничего, лишь бескрайнее море, не имеющее ни начала, ни конца. И не было ни неба, ни земли. И решили боги создать планеты, на которых утвердилось бы твердь. И создали боги ан-ки – небо и землю. Земля наша – это плоская твердь, а небо – купол над ней. И сотворили боги затем деревья, насекомых, пресмыкающихся, птиц и животных. Но главное их творение был человек, которого боги поместили в земной рай, который находится здесь, между двумя могучими реками – Тигром и Евфратом.

– Но, учитель, если боги создали земной рай здесь, то почему вокруг простирается лишь бесплодная пустыня? – задал вопрос Лугу, который не верил ни в божественное происхождение Вселенной, ни в самих богов.

– Потому что человек оказался неблагодарным, ослушавшись богов. За это боги покарали его.

– Но разве вкушение плодов является грехом? Ведь боги создали их для пропитания всего живого!

– Лугу, какие речи! Не гневи богов! – воскликнул Анабашу и воздел руки к небу, читая молитвы.

В классе наступила тишина. Ученики выпрямили спины и искоса посмотрели на сына верховного жреца, ожидая развязки этой истории. Наконец, учитель взглянул на Лугу и сказал:

– Я не желаю слышать богохульные речи в храмовой школе! Ты – сын жреца.

– Но я просто хочу разобраться в... – начал было испуганный мальчик, но Анабашу перебил его окриком:

– Молчать! Ты же ведь не хочешь сорвать сегодня урок, который является основой всего учебного года?

– Простите меня, учитель. Я больше не буду, – произнес Лугу, сдерживая слезы и коря себя за то, что сильно разозлил учителя.

– Пишем дальше, – продиктовал Анабашу, подойдя к резной колонне, на которой было начертано несколько иероглифов с магическими заклинаниями, – мы должны верить в тех богов, которых почитали еще наши праотцы. Запишите их. Ан – бог неба. Энлилль – владыка ветра. Энлилю подвластны как созидательные, так и разрушительные силы. Именно он создал землю подобно тому как Ан – небо, он также создал мотыгу, богов скотоводства Эмеша и Энтена, а вместе с Энки – богинь Лахар и Ашнан. Женой верховного бога была богиня Нинлилль, родившая ему первенца бога Луны – Нанну. Другими его детьми были бог войны Нинурта, бог подземного мира – Нергал и бог судьбы – Намтар. Другим великим богом был Энки – владыка подземного мирового океана, в глубине которого находилась мудрость. Он дал людям знания, покровительствовал наукам, ремеслам. Именно он наполняет реку Тигр чистыми и животворными водами. Не менее важно знать богиню-мать – Нинхурсаг. Именно она породила все живое на земле. Не стоит забывать и о таких богах, как богиня Инанна – покровительница войны, плодородия и плотской любви; бога луны – Нанна и бога солнца – Уту. Уту ежедневно странствует по небу, а вечером спускается в подземный мир, чтобы осветить подземное царство и поучаствовать в суде над умершими.

Анабашу перевел дыхание и замолк. Ученики, быстро чертя иероглифы на глиняных табличках, старались поспеть за учителем, который никогда не повторял дважды. И если кто-то не поспевал, то ему приходилось после уроков переписывать у своих более шустрых одноклассников.

Ноги затекли, руки устали от постоянного напряжения, пот струился по спине и лицу, но Лугу даже не пытался смахнуть его капли, ибо был полностью увлечен написанием сложных знаков, на изучение которых уходило несколько лет. Маленький кусочек глины прилит к животу и вот тогда мальчик одним пальцем смахнул его и принялся дальше писать конспект.

Анабашу довольно оглядел своих учеников, которых любил как своих собственных. Всю жизнь следуя аскетическому образу жизни, учитель так не смог жениться и родить детей. И теперь эти мальчики, сыновья высокопоставленных людей, заменили ему его сыновей, которых он никогда не сможет иметь. Из глаз старика выступили слезы, он смахнул их, дабы не опозориться перед детьми, которые широкими карими глазами уставились на него. Анабашу посмотрел на талисман, висевший у него на шее и спросил:

– Дети, скажите, что ждет человека после смерти?

– Иной мир, – хором ответили ученики.

– Правильно, – похвалил учитель, – и тот мир будет более жестоким нежели этот. Знаете ли вы, что душа умершего проходит через семь ворот подземного мира, где ее встречает главный привратник Нети? Границей подземного мира служит река «поглощающая людей», через которую переправляет умерших перевозчик Ур-Шанаби. Участь мёртвых под землёй тяжела, хлеб их горек, вода невкусна. Людям нет покоя ни в этом мире, ни в том. Более сносную жизнь после смерти получают лишь избранные: те, по которым был исполнен погребальный обряд, а также многодетные и павшие в бою, – на слове «многодетные» учитель запнулся и грустно посмотрел на небо, – человек создан для того, чтобы служить богам. Его обязанность – доставлять богам пищу и питье, умножать их богатства, воздвигать храмы для небожителей. Когда приходит смерть, он больше не может служить богам, становится ненужным, превращается в тень и уходит в «страну, из которой нет возврата», чтобы блуждать там без цели. Никто не в силах избежать своей судьбы, уйти от того, что ему предначертано, можно лишь кое-что узнать о своем будущем из предсказаний жрецов, но изменить свою участь невозможно. Непреложна и непостижима воля богов. Единственное спасение – найти себе замену. Судьи подземного мира, ануннаки, сидящие перед Эрешкигаль, владычицей подземного царства, выносят только смертные приговоры. Имена мёртвых заносит в свою таблицу женщина-писец подземного царства Гештинанна. Затем погребенные души пересекают реку, отделяющую их от людей с перевозчиком подземного мира Ур-Шанаби, а непогребенные возвращаются на землю и приносят несчастья.

Устрашив детей рассказами о загробных мучениях, которые ожидают людей, учитель отпустил их, задав на дом выучить имена всех богов и их роль в мироздании.

Маленький Лугу, понуро опустив голову, шел на два шага впереди от Набиту, который грозно озирался вокруг, готовый в любой момент защитить сына своего господина. Мальчик передал ему кусочек глины с текстом и посмотрел на нищего, который сидел на корточках подле финиковой пальмы и подбирал с земли объедки, которые оставили бродячие собаки. Ноги несчастного были грязными, копна давно немых волос спуталась во множество косичек, которые падали на плечи и лицо. Лугу еще раз взглянул на нищего и в его памяти сразу всплыли наставления учителя, который сказал, что и после смерти человека ждут мучения и лишения, и только избранные могут удостоиться милости богов. Мальчик посмотрел на ясное небо, в котором парила стая голубей, и тихо сказал самому себе: «Разве это справедливо, когда боги насылают на свои творения беды и несчастья? Неужели они не могут снизойти до того, чтобы хотя бы уравнивать всех людей, живущих на земле? Почему одни живут в роскоши, едят из золотой посуды каждый день мясо, пьют вино, а после смерти их тела умащаются благовониями, затем помещаются в саркофаг, который относят в могилу? Жрецы читают молитвы, дабы умерший мог в ином мире жить в роскоши и не в чем не нуждаться? И почему бедняки, вынужденные каждый день бороться за свое существование, должны и после смерти испытать лишения и страдания? Где же справедливость богов, о которой так любит рассуждать отец? Где?» Но боги не ответили на вопрос, даже никакого знамения не послали маленькому мальчику, которому было интересно узнать, в чем же вина простого смертного, если небожители вылепили его из глины по образу и подобию своему?

Орава мальчишек с криками пробежала мимо Лугу, который все еще стоял на месте, глядя куда-то перед собой, туда, где голубое небо граничило с белой пустыней. Раб Набиту нетерпеливо переменялся с ноги на ноги, ожидая новой проделки мальчика. Тут Лугу повернулся к нему и, взглянув на великана миндалевидными карими глазами, в которых горел огонек, сказал:

– Иди в дом отца моего и скажи, что я скоро приду.

– Но, сын моего господина, ваш отец приказал... – удивленно воскликнул раб, но не успел он договорить то, что хотел, как мальчика и след простыл.

Лугу бежал со всех ног за толпой мальчиков, которые с криками и хохотом легко уворачивались от прохожих, с разбегу перескакивая через нагруженные тележки и лавки продавцов. Один из мальчиков опрокинул глиняный кувшин, сушившийся на солнце – осколки разом разлетелись по пыльной земле – это все, что осталось от нового кувшина. Невысокий тучный продавец, громко кряхтя, разом поднялся во весь рост и попытался схватить проказника за руку, но тот ловко увернулся и со смехом побежал дальше за своими друзьями.

– Да чтобы тебя унесла в свое подземное царство Эрешкигаль, змееныш! – прокричал торговец кувшинами, размахивая от гнева своими толстыми руками. Еще несколько минут мужчина посылал проклятия маленьким сорванцам, а пальцы все собирали и собирали осколки кувшина.

Лугу тяжело дышал, но продолжал бежать за своими друзьями по узким улочкам. Поняв, что таким образом их не догнать, мальчик решил свернуть в проулок и пробежать по улице кузнецов, где ютились маленькие коморки рабов, работающих день и ночь в горячих кузницах. Вскоре Лугу заметил ораву мальчишек и, сложив ладони рупором, прокричал: «Эй, Улу, я здесь. Подождите меня!» Мальчишки разом остановились и широкими глазами посмотрели в сторону сына верховного жреца, который снизошел до того, что решил поиграть с сыновьями простых людей. Улу, невысокий мальчик с невзрачным лицом, помахал другу рукой и крикнул: «Беги к нам, мы сейчас отправляемся в пальмовую рощу, финики рвать». Лугу громко присвистнул и ринулся вместе с остальными по улицам Уммы, густо забитыми народом. Ловко перепрыгнув через тростниковую оградку, мальчишки направились по торговым улицам, где в это время было наибольшее оживление. Женщины в цветастых одеждах с покрытыми головами толпились у лавчонок с товарами, выбирая овощи, фрукты, ткани, дешёвые украшения из глины и иную мелочь. Но при виде приближающегося урагана, который с криками летел по улице, эти женщины боязливо жались к стенам домов и оград, тихо посмеиваясь над маленькими проказниками. Улу на полном бегу стукнулся о тележку с тростником, которую вез старый осел. Половина тростника упала на землю, остальные мальчишки, не заметив этого, пробежались по нему. Хозяин ослика схватил Улу за всклоченные волосы и с силой подтянул к себе, глаза его налились гневом:

– Ты что, ослеп? Не видишь, куда бежишь?

– Прости меня, господин, – мальчик не на шутку перепугался, больше он ничего не смог произнести.

– Те деньги, что я хотел получить за продажу тростника, ты пустил на ветер! У тебя родители так богаты, что могут возместить мне ущерб? – мужчина только было поднял плеть над головой испуганного Улу, как вдруг его руку перехватил другой мальчик, по виду и одежде много богаче первого.

– Сколько тебе нужно, я заплачу за него, – спокойно ответил Лугу.

– Ты кто такой? Твой отец богат? – продавец тростника не мог поверить собственным ушам.

– Отец мой – почтенный Укуш. Так сколько ты хочешь за свой ущерб?

– Господин... мне... мне ничего не надо... Прости, – теперь уже мужчина трясся от страха, ибо власть верховного жреца была неприкасаемой, и каждый житель Уммы знал, как любит Укуш своего единственного сына.

Но Лугу снял с запястья маленький золотой браслет и молча протянул его продавцу, который приняв дар от рук мальчика, приложил его к груди и низко поклонился сыну жреца. Когда он выпрямился, мальчиков уже не было. «Благословенный Энлиль, спасибо тебе за щедрое вознаграждение раба твоего», – тихо проговаривал продавец, пряча браслет в складки своей тунники.

До пальмовой рощи оставалось совсем немного. Пригород не был так оживлен, как центральные улицы. В этой части города располагались храмы и амбары, окруженные колодцами с родниковой водой. Чернокожий раб с большим медным кольцом в носу нес на плечах огромную амфору с кристально чистой водой из арыка, дабы отнести ее в дом своего господина. В это время Лугу, который бежал впереди остальных мальчишек, не заметив раба, сбил того с ног. Амфора выскользнула из рук чернокожего великана, бывшая там вода разлилась по пыльной земле, которая сразу же впитала в себя живительную влагу. Несчастный раб упал на колени и схватил амфору точно сокровище, но амфора раскололась у него в руках на две части. Лугу остановился и уставился на раба, который гневно посылал проклятия на неведомом языке, затем он резко поднял голову и устремил на мальчика злые глаза, тихим голосом проговорив какое-то слово, должно быть, ругательство. Но Лугу даже взгляда не отвел, а продолжал стоять на своем месте, пока к нему не подбежали друзья. Один из них, полный мальчик по имени Усеф, лишь мельком взглянул на сидящего на земле раба, затем обратившись к Лугу:

– Чего стоишь, пошли скорее, солнце скоро сядет, а нам еще нужно нарвать финики.

– Этот человек, – Лугу указал на чернокожего мужчину, – должно быть, боится возвращаться в дом хозяина, ведь тот непременно накажет его за разбитую амфору.

– Да зачем ты о нем думаешь? Это же всего лишь раб, если и сдохнет от побоев, так его хозяин нового купит. Пошли, – Усеф подтолкнул друга вперед, заставив не думать о несчастном, ведь у них было иное занятие – сбор сладких фиников.

В тени пальмовой рощи было куда прохладнее, чем среди раскаленных от солнца стен Уммы. Неподалеку протекал ручеек с кристально чистой водой, которая была настолько холодной, что от нее сводило зубы. Мальчики набрали целую охапку фиников и уселись с тени высокой пальмы, что бросала тень своими большими листьями. Теперь друзья весело переговаривались, вспоминая сегодняшние приключения. Еще никогда им не было так весело: все восемь мальчиков были из разных семей, но здесь их объединяло одно – беззаботное детство, которое так быстротечно, что не успеешь оглянуться, как ты уже стал взрослым и пора самому заботиться и своей судьбе, пройдет еще немного времени и ты уже превращаешься в дряхлого старика, который не может позаботиться даже о себе. Единственная отрада в жизни стариков – многочисленные внуки и внучки, которые будут целыми днями со звонким смехом бегать, играть в игры, рвать в садах фрукты и прятать их от пристального взгляда взрослых, а потом сидеть где-нибудь в укромном месте и с жадностью есть свою «добычу».

Лугу вдруг ни с того ни с сего глубоко вздохнул и опустил голову на подобранные к подбородку колени. Улу пристально взглянул на него и спросил:

– Друг мой, с тобой что-нибудь случилось? Ты не доволен нами? Прости, если что.

– Нет, Улу, нет, – ответил сын жреца, – я просто вдруг подумал о судьбах людей. Почему одним боги дают все, а другим ничего? Почему кто-то живет во дворце, купается каждый день в мраморном бассейне, умащает свое тело благовонными маслами, имеет множество слуг и возможность каждый день есть мясо и пить молоко? И почему кто-то иной должен влачить жалкое существование, питаясь сухими лепешками, финиками и водой, носить обноски и ходить далеко за город, чтобы хотя бы раз в месяц омыть свое тело?

– Так хотят боги. Их решение справедливо.

Лугу пристально взглянул другу в черные глаза и воскликнул:

– Что же это за справедливость, если люди живут по-разному? Чем, например, тот чернокожий раб хуже царя? Чем?

– Он родился, чтобы быть рабом шумера.

– Нет. Так не должно быть, не должно! Люди все равны, понимаешь? НИКТО не заслуживает участи раба, никто!

– Но воля наших богов, Лугу... – начал было Улу, но тот перебил его:

– Ты ничего не понимаешь, друг мой! Богов нет, все это выдумали люди, дабы управлять остальными. Богачи хотят возвыситься в глазах простого народа и втоптать его в грязь, дабы никто из них не смог поднять восстания. Почему наш город, который по праву своему является отдельным государством, должен униженно платить дань правителю Лагаша? Почему? Чем Лагаш хуже Уммы?

– Не знаю...

– Видишь, ты сам ответил на вопрос. Никто не знает, чем один человек лучше другого. Для богов мы все равны, все. И попадет в ад лишь тот, кто ведет несправедную жизнь. Там, в подземном царстве, на весах Истины будут взвешены деяния человека и его сердце, а не золото и драгоценности. Человек может обмануть другого человека, но не может обмануть Того, Кто нас создал.

– Ты отрицаешь богов или веришь в одного из них?

– Я верю тому богу, который рдеет о справедливости тех, кого он создал из глины. В этого бога я верю.

– И ты думаешь, что такой бог есть?

– Я не думаю, я знаю, но вот как узнать Его имя...

Лугу замолк и устремил свой взгляд на небо, которое постепенно начало покрываться закатным румянцем. Пальмы все еще пропускали сквозь свои ветви слабые лучи света, которые ровно падали на землю, покрытую густой травой. Лугу подошел к одной из пальм и подставил ладонь лучам. Улу подошел к нему и тихо спросил:

– Ты веришь, что Шамаш – бог солнца и есть истинный бог?

– Как может быть одно из светил богом, если оно само создано Им? Я просто люблю предзакатные лучи, которые не столько жаркие как днем. И еще закат так красив, когда смотришь на него с балкона.

Один из мальчиков подбежал к Лугу и Улу и громко прокричал:

– Пойдемте домой! Солнце практически скрылось за горизонтом, скоро наступит ночь.

Восемь мальчиков, жуя по дороге финики, медленным шагом направлялись в город. Лавки продавцов, кузнецы, мастерские были давно закрыты. Рабы с тюками на спинах спешили скорее добраться домой, дабы не рассердить своих господ. Уличные собаки, сбившиеся в стаи, гоняли кошек и крыс, которые подбирали с земли крошки хлеба. Вперед выехал на вороном коне выехал навстречу мальчикам высокий воин, который приблизился к ним и, наклонившись к Лугу, сказал:

– Мой господин, твой отец давно ожидает тебя, дабы разделить с тобой вечернюю трапезу. Мне приказано было найти тебя и отправить домой. Садись передо мной, скоро ты пристанешь перед взором отца своего.

Мальчик попрощался с друзьями и ловко вскочил на коня. Воин хлестнул вороного плеткой и тот, подняв тучу пыли, поскакал по широкой улице в сторону дворца верховного жреца, который ждал сына в пиршественном зале, где слуги накрывали на стол, раскладывая золотые тарелки с всевозможными яствами.

Лугу расстроенный вошел в дом, где служанки проводили его в комнату умывания. Сняв с мальчика грязный передник, женщины омыли его теплой водой, затем растолкав в маленьком сосуде порошок, который при контакте с водой сильно вспенился. Служанки намамили Лугу с

ног до головы, поле чего вылили на него целый таз с горячей водой. Обтерев маленького господина полотенцем, женщины умастили его тело и волосы дорогими благовониями, срезали на ногах и руках отросшие ногти, после чего облачили мальчика в белоснежную юбку и украсили его руки многочисленными браслетами и кольцами. Старая кормилица наклонилась к Лугу и обула его в сандалии, после чего взяла своего воспитанника за руку и провела в большой пиршественный зал, украшенный толстыми колоннами, шторами с кистями и резной мебелью. Во главе стола сидел тогда еще молодой жрец Укуш, который поднялся с кресла и подошел к сыну, протянув руку. Тот низко склонил голову перед отцом и поцеловал его руку. Сладкий запах исходил от тела и одежды Укуша, который строго соблюдал ритуальную чистоту, и как всякий священнослужитель Шумерии, совершал омовения несколько раз в день.

Отец и сын сели за стол и молча принялись за еду. Лугу с жадностью схватил кусок баранины, приправленный в соусе, и принялся откусывать мясо своими крепкими белоснежными зубами. Жрец вдруг резко кинул баранью кость в тарелку и строго спросил:

– Где ты был сегодня после школы, сын мой? Разве я не наказал тебе после уроков возвращаться обратно в дом?

– Отец, я встретил друга Улу, мы играли вместе... – мальчик понурил взгляд и весь затрясся, боясь наказания.

– И поэтому вы устроили беспорядок в городе.

– Отец, мы просто... – начал было оправдываться Лугу, но Укуш окриком перебил его.

– Как смеешь ты перебивать отца своего, неблагодарный?! Разве боги не велят тебе слушаться меня? Ты знаешь, какое наказание ждет тебя в царстве мертвых, когда боги прочитают над тобой приговор? Ты мой сын, ты сын верховного жреца, не должен водиться с мальчишками из бедного квартала. Я приказываю тебе это. И чтобы больше не смел убежать от слуг, когда они исполняют мой приказ! Набиту мне все сегодня рассказал. А теперь встань из-за стола. Сегодня я лишаю тебя трапезы, иди и учи то, что задал тебе твой учитель Анабашу.

– Да, отец, – Лугу молча встал и обиженно пошел к входной двери, чувствуя пристальный взгляд отца, которого очень любил, но смертельно боялся.

И теперь, когда прошло столько лет, Укуш потер вспотевшие жилистые руки в старческих морщинах и обернулся на звук шагов, доносившихся со стороны двери. На балкон, залитый солнечным светом, прошел высокий молодой человек в кожаной юбке и высоких сандалиях, что носили солдаты Шумерии. Вошедший приложил правую руку к груди и поклонился старому жрецу, который с милой улыбкой подошел к нему и ласково дотронулся до иссякших-черных густых волос, которые волнами ниспадали на широкие плечи, стянутые сзади кожаной лентой.

– Я рад видеть тебя в полном здравии, отец, – проговорил молодой человек, посмотрев на старца большими карими глазами.

– Доброе утро, сын мой. Не тревожили ли тебя злые духи во сне, не был ли спокоен ты, пока почивал?

– Хвала богам, я видел хорошие сны, но утром слуга доложил мне, что ты хочешь непременно видеть меня, отец.

– Да, Лугальзагесси, я послал за тобой, дабы сообщить хорошую новость.

Молодой человек широко улыбнулся, глаза его ярко блеснули в лучах солнца:

– И какова же новость?

– Сегодня в полдень состоится ритуал божественного брака между богом и жрицей. Этот день – день весеннего Равноденствия, ты знаешь, что в храме будут исполняться очень важные таинства, на котором будет присутствовать царь. И ты, мой сын, сын верховного жреца, обязан будешь присутствовать при совершении божественного обряда.

– Но, отец, я же ведь не посвящен в жрецы, да и какой из меня жрец, посмотри: я родился воином. Помнишь, ты сам мне рассказывал, что роды моей матери были тяжелыми, ибо я родился слишком крупным ребенком, с детства меня привлекали охота, езда в колеснице, ору-

жие воинов. Прошу тебя, не заставляй меня проводить этот день в душном храме. Тем более, я уже договорился с моим другом Сурру-Или на счет охоты на газелей и антилоп.

Укуш взглянул на сына словно на неразумного ребенка и молча пригласил его сесть за стол, на котором стоял кувшин вина, две золотые чаши да поднос с фруктами. Когда Лугальзагесси наливал себе красное вино, изготовленное много лет назад, жрец подошел к расписной колонне и прислонился к ней одним плечом, все также глядя на сына.

– Я понимаю тебя, сын мой, ты еще молод, горяч, красив собой. НЕ каждый солдат из царской армии сравнится с тобой ростом, силой, умением управлять колесницей. Но я, твой отец, пока жив, не хочу, чтобы ты подвергнулся опасности. Один из слуг рассказал мне, что на прошлой охоте ты оторвался от остальных и углубился далеко в пустыню, где бродили стаи голодных гиен. И если бы не солдат Уразу, эти твари разорвали бы тебя.

– Отец, Уразу ничем не помог. Я в одиночку справился со всеми гиенами.

– Сын, сын, не искушай богов.

Лугальзагесси, явно не довольный решением старого жреца, отставил кубок с вином и встал со стула, выпрямившись во весь свой рост. Длинные крепкие ноги, широкие мускулистые плечи, волевой подбородок, миндалевидные темные глаза с живым огоньком, орлиный нос – весь этот облик никак не соответствовал жрецу, который целыми днями проводит, стоя на коленях перед статуями богов и воскуряя благовония. С глубоким сожалением признав сей факт, Укуш лишь устало уселся в кресло и слабым голосом сказал:

– Иди в свою опочивальню, сын мой, и готовься к религиозному бракосочетанию.

– Но, а как же охота...? – в недоумении спросил Лугальзагесси.

– Попроси Саяру сходить в дом Сурру-Или и сообщить, что охоту придется отменить. У вас еще будет время для более крупной добычи.

Молодой человек ушел от отца в плохом настроении. Омовение, натирания благовоний на тело – все это окончательно вывело его из себя и, сорвавшись на рабов, будущий царь поехал в паланкине до храма, в душе проклиная все эти жреческие обряды, молитвы, песнопения. Была бы его воля, разве позволил бы он своим воинам годами просиживать под боком у своих жен, превращаясь в слабых женщин, которые боялись одного лишь вида крови. Ах, почему же нынешний царь медлит с войной? Почему целыми днями проводит в храмах перед статуями богов, а не несется по раскаленной пустыне в колеснице со своей армией, покоря некогда жестоких правителей Лагаша? Если бы он, Лугальзагесси, стал бы царем, то на следующий же день приказал воинам готовиться в поход, дабы стать единовластным правителем Шумерии, дав своему народу покой и процветание. Но сейчас, пока сильна власть жрецов, никто и не думает восстать против правителя Лагаша. Весь Умма склоняется перед ним в униженном раболепном поклоне, позорно платя дань. Неужели так будет продолжаться вечно, или царь, наконец-то, оставит храм и займется более важными вещами?

Лугальзагесси часто думал об этом, и думы эти причиняли ему невероятные страдания. Ему хотелось рвать на себе волосы, плакать, но вместо этого он лишь еще сильнее сжал подлокотники кресла, установленной внутри паланкина, и краем глаза смотрел на толпы людей, которые при виде приближения верховного жреца и его сына бросали свои дела и падали на землю в земном поклоне.

Процессия остановилась подле храма колоссальных размеров. Ряд толстых колонн подпирал свод, расписанный всевозможными тайными знаками. Золотая статуя бога находилась в нише в глубине главного зала, рядом с которой жрецы установили религиозный алтарь и несколько жертвенных сосудов, куда польется кровь животного, приготовленного на закалывание. Стройная процессия жрецов в белоснежных одеяниях вошла в главный зал, монотонно произнося заклинания. В руки одного из них был золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, из которого вился дымок благовоний, зажжённых за минуту до начала ритуала.

Укуш стоял рядом со статуей бога в окружении царя, сына и жреца, в чьи обязанности входило соблюдение порядка во время религиозных праздников. Молодой жрец воскурил благовония перед золотой статуей и молча провел царя в одну из комнат, где было приготовлено ложе для скрепления брачного союза. Прекрасная молодая жрица в белой тунике, сверкая золотыми украшениями пала ниц перед своим божественным супругом и, взяв его за руку, провела к матрасу, что находился в алькове. Жрец очистил постель кедровой эссенцией и уложил на нее жрицу, после чего поклонился и вышел из комнаты. Оставшись одни, «супруги» принялись совершать омовения: сначала жрица омыла себя благоухающей водой, затем царя, который с любовью смотрел на нее изящные руки, стройное тело и красивое словно луна лицо. После омовения девушка натерла себя мылом, оросила маслом и кедровой эссенцией каменный пол. Когда приготовления к брачной любви между богом и жрицей было готово, царь откинул край полога и лег рядом с «супругой», которая была чиста и впервые познал мужчину.

Прошло довольно много времени. Жрецы, подняв руки ладонями вверх, шептали молитвы богам, дабы те богословили бы супругов. Лугальзагесси стоял по правую руку от отца и пристально всматривался в лицо золотой статуи бога: массивные руки и ноги, холодное отрешенное лицо с большими безжизненными глазами, властный рот – так представлял собой Энлиль, верховный бог шумеров. Лугальзагесси опустил голову и взглянул на каменный пол, на котором в горящем свете факелов блестели черные капельки крови: то была кровь жертвы, умерщвленной жрецами неделю назад.

Вдруг Укуш резко обернулся на звук шагов и прокричал древнемагическое заклинание, восхваляя небесных владык. Царь со своей божественной супругой вошли в молельный зал, где их дожидались жрецы. Земной бог поднял руку и провел ее в воздухе – это означало, что он доволен жрицей и взял ее к себе. Хор жрецов пропели молитвы и сложили руки на груди в честь нового брака. Затем один из молодых священнослужителей на веревке притащил блеющую от страха овцу, которая, видимо, чувствовала приближающуюся смерть. Верховный жрец достал позолоченный ритуальный нож, лезвие которого было такой формы, что не оставляло на себе крови. Где-то невдалеке раздался барабанный звук, жрецы опустились на колени, а Укуш взял овцу и, подставив таз рядом с ней, полоснул животное по горлу. Фонтан крови, извергнувшийся из перерезанной шейной артерии, залила пол и белую мантию жреца. Овца пару раз дернулась и замертво рухнула на полочные плиты. Укуш взял таз с горячей кровью и полил алтарь и ноги бога. Остальные жрецы пропели священный гимн, призывая Энлиля принять жертву. По молчаливой улыбке бога жрец-предсказатель прочитал, что божество радо и что жертва принята. Церемония закончилась.

Пока жрецы низшего ранга убирали в молельном зале, Укуш пригласил царя разделить с ним трапезу по случаю удачного бракосочетания. Слуги принесли на подносах диких куропадок, запеченных до хрустящей корочки, белый хлеб и фрукты. Лугальзагесси сел по левую руку от царя и молча ел крылья, поливая их время от времени соусом. Укуш был явно в хорошем расположении духа, тем более, что предсказания астрологов оказались довольно благополучными. В ближайшем будущем, заверяли они, Умма станет богатым, процветающим городом, а остальные города падут к ногам его царя и станут данниками. Лугальзагесси явно удивляло и в тоже время забавляло то, с каким трепетом относился отец к магам и гадателям. Сколько раз они давали надежды на скорое будущее, полное богатства и славы, а положение дел не менялось: город до сих пор состоял вассалом у царя Лагаша, до сих пор платил дань сверх нормы, люди нищают и голодают, но царь и верховный жрец все еще надеются на помощь богов.

После трапезы Укуш, царь и Лугальзагесси вышли из храма на улицу. Луны не было. Лишь яркие звезды в черном небе ярко освящали путь. Слуги подхватили царя и усадили его в золотые носилки с резным рисунком. Жрец и его сын низко склонили головы и продолжали так стоять до тех пор, пока царские носилки не скрылись из виду.

– Ты устал, сын мой? – заботливо спросил Укуш.

- Нет, отец. Я никогда не устаю, – соврал Лугальзагесси, изо всех сил стараясь не зевнуть.
- Тогда поехали домой. Сам я очень сильно устал. Возраст сказывается.

На следующий день, когда диск солнца осветил землю первыми лучами, две запряженные вороными конями колесницы быстро проехали по оживленным улицам Уммы, подняв тучу пыли. Лугальзагесси мчался впереди друга Сурру-Или, низкорослого, малопривлекательного молодого человека, который, тем не менее, обладал недюжинной силой и был самым лучшим стрелком в армии царя. Сегодня же победа явно сопутствовала не ему, ибо Лугальзагесси обогнул еще один переулочек, оставив друга далеко позади. Взмыленные кони тяжело дышали, их потные спины блестели в лучах яркого солнца, но молодой человек хлестнул их плетью и колесница понеслась еще быстрее, пока не въехала на песчаный холм, откуда открывался вид на белую пустыню.

Лугальзагесси перевел дыхание и достал из дна колесницы большой лук и колчан стрел. Где-то неподалеку брело стадо антилоп, которые шли на водопой, понуро опустив голову. Молодой человек только прицелился, чтобы убить одну из них, как позади раздался скрип колесницы и возглас друга, явно озлобленного тем, что прибыл вторым.

– Лугу, ты мчался быстрее ветра, я так и не смог догнать тебя, – Сурру-Или взял бурдюк с водой и сделал несколько глотков, – в такую жару не охотиться надо, а купаться в бассейне.

– Тихо, – прошептал Лугальзагесси, – ты чуть не спугнул антилоп. Видишь их?

– Нет.

Сын жреца указал в сторону бархана, где приютился небольшой оазис. Именно туда устремилось стадо красивых антилоп с изящными рожками. Сурру-Или виновато пожал плечами и достал лук со стрелами. Двое друзей крадучись, приблизились к оазису, скрываясь за камнями от взора вожака стаи.

Антилопы приблизились к водопою и опустили головы, дабы напиться прохладной водицы. Лугальзагесси дал знак другу пойти с другой стороны, чтобы не быть замеченными. Сурру-Или кивнул и пошел в обход, осторожно передвигаясь по раскаленной земле. Вдруг вожак поднял голову и осмотрелся по сторонам, явно почуяв опасность, хотя охотники были еще далеко. Сурру-Или остановился и лег на землю, спрятавшись за камнем. Лугальзагесси бесшумно приблизился к водопою и укрылся в тени пальм. Стадо заметалось, хотя молодой человек не сделал ни одного резкого движения. И вдруг он понял, почему антилопы разом побежали обратно в пустыню. Из пальмовой рощи вышел громадный лев с длинной гривой. Хищник устремился за стадом, горя желанием полакомиться молодой антилопой. Лугальзагесси был явно недоволен таким событием, не желал уступать первенство царю зверей. С неистовым криком он бросился на льва, который первое время в недоумении смотрел на человека, после чего оскалил клыки и бросился на него. Молодой человек с легкостью отскочил от лап зверя и натянул тетиву. Тетива звякнула, стрела со свистом пролетела в воздухе и вонзилась в грудь льва. Зверь огласил своим ревом всю округу, стая птиц разом взметнулась в воздух, явно испугавшись страшного звука. Лугальзагесси продолжал стоять на месте, в руках все еще держа натянутый лук. Лев из последних сил приподнялся и одним прыжком повалил охотника. Молодой человек упал под огромной тушей. Лук и стрелы отлетели в сторону. Зверь, хрипя и рыча, полоснул огромной лапой грудь Лугальзагесси, который от боли на секунду потерял сознание, но лишь на секунду. Лев почувствовал запах крови и уже принялся было перекусить человеку горло, как сильный удар по голове оглушил его и зверь, все еще скалясь, повалился на землю и дернул в последний раз лапой. Лугальзагесси тяжело дышал, все еще сжимая в руке большой острый камень, с которого капали на землю капельки крови. Грудь была разодрана когтями, из ран струилась кровь, но это мало волновало охотника, ибо он был несказанно рад тому, что одержал победу голыми руками над царем зверей.

Испуганный Сурру-Или примчался на колеснице, явно боясь подойти к лежащему другу. Тот медленно поднялся, превозмогая нестерпимую боль и, пошатываясь, приблизился к сво-

ему другу, который подхватил его под руку и подвел к колеснице. Сурру-Или пришлось несколько раз останавливаться, переводя дыхание, ибо рослый Лугальзагесси, на голову выше и шире в плечах, был слишком тяжелым для него. Наконец, преодолев изрядный путь, друзья бессильно опустили на раскаленную землю и глубоко вздохнули. Никакой добычи сегодня, увы, не предвидится: стая антилоп, так мирно пившая воду в оазисе, теперь была далеко, и гнаться за нею по всей пустыни было бы неразумно, тем более, что один из друзей был тяжело ранен – кровь с каждым разом капала все сильнее и сильнее, и остановить ее могли лишь лекари.

– Ты сможешь управлять колесницей, Лугу? – заботливо спросил Сурру-Или.

– Да... да, друг мой... Я сам... – Лугальзагесси каждое слово доставалось с большим трудом, нарастающая боль в разорванной груди была нестерпимой, но молодой человек мужественно перенес ее, дабы не упасть в глазах Сурру-Или, который был намного ниже рангом.

Обратный путь домой казался вечностью. И хотя кони неслись во весь опор, Лугальзагесси казалось, что они никогда не остановятся. Порывистый сухой ветер носил крупинки песка по всей пустыне, который ложился на голову и лицо. Сил оставалось все меньше и меньше, а солнце продолжало нещадно палить с лазоревого неба, на котором не было ни облачка. Кровь пропитала всю одежду, каплями падая на дно колесницы, и Лугальзагесси всем телом навалился на ее края, ибо почувствовал, что начал терять сознание от кровотечения. В конце пути, когда лошади промчались по улицам города, молодой человек уже не мог стоять ровно на ногах: он упал на колени, все еще сжимая вожжи в твердых руках, и уперся лбом на запястье.

Сурру-Или ловко спрыгнул с колесницы и подбежал к другу. Тот лежал без памяти с закрытыми глазами, а все дно колесницы пропиталось кровью, которая быстро темнела на солнце.

– Быстрее, позовите лекарей, – прокричал Сурру-Или слугам, – человек потерял сознание от кровотечения!

Несколько рослых рабов втащили обессиленного Лугальзагесси в его покои и уложили на мягкую кровать под золотистым пологом, укрыв воздушным одеялом. Несколько женщин-рабынь воскурили благовония рядом с альковом и бесшумно вышли из комнаты. В покои вошел высокий худой старик с длинными седыми волосами, а следом за ним, весь бледный от страха, прибежал Укуш, который несмотря на возраст, упал на колени перед кроватью сына и воздел руки к небу, взывая богов сохранить жизнь молодому человеку. Лекарь достал чистую тряпку и смочил ее в растворе целебных трав, что росли в скалистых горах на севере. Затем он осторожно снял кожаный нагрудник и промыл раны. Жрец не отрываясь, смотрел на ловкие движения знахаря, все еще не веря в выздоровление сына. Наконец, когда грудь была перебинтована, а кровотечение остановлено, Укуш воздел руки и тихо прошептал:

– О боги, дайте знак, чего мне ожидать: радости или горя?

Лекарь спрятал все свои принадлежности в большую сумку и сказал:

– Не волнуйтесь, уважаемый Укуш, сын твой останется с тобой, Нергал пока не стоит за его спиной.

Жрец достал горсть серебряных монет и протянул их знахарю. Тот взял их и приложил к груди в знак почтения, после чего с поклоном удалился. Оставшись один, Укуш приподнялся и уже спокойно взглянул на сына, который без сознания лежал в кровати, хотя кровь давно перестала течь из ран.

– Сын мой, ведь говорил же я тебе, что охота в одиночку до добра не доведет. Но слышал я, что ты сам голыми руками убил льва. Быть тебе царем нашего царства, которому покорятся все города Шумерии от востока до запада, от севера до юга. Да будет так!

Несколько дней Лугальзагесси лежал без сознания. Рабы каждые несколько часов меняли ему мокрые от пота простыни. Отец Укуш денно и ночью сидел у изголовья сына и постоянно увлажнял его губы розовой водой. Невольницы несколько раз в день меняли простыни, кото-

рые сразу пропитывались холодным потом больного, как их стелили. Лугальзагесси лежал в беспамятстве, лихорадка по ночам содрогало его крупное тело, из-за чего молодой человек бредил сквозь сон и стонал, словно злые духи вселялись в него лишь для того, чтобы помучить изможденного человека.

Однажды Лугальзагесси увидел сон на четвертый день своей болезни. Снился ему оазис, где бродили дикие звери, которые злобно поглядывали на одинокого охотника с большим луком на перевесе. Вдруг из кустов выпрыгнул еще совсем молодой лев, затем подбежали совсем маленькие львята, которые принялись злобно мяукать и скалиться. Охотник, которым и был Лугальзагесси, достал из колчана стрелу и ловко убил всех львят, последняя жертва оказался тот самый лев, который пытался уже кинуться на него. Молодой человек облегченно вздохнул и спрятал последнюю стрелу в колчан. И когда он повернулся к кустам спиной, то из них выпрыгнул огромный лев с мощными лапами и длинной седой гривой. Зверь повалил охотника на землю и сильно полоснул того когтями. От боли Лугальзагесси закричал и схватил льва за уши, пытаясь выбраться из его смертельных объятий. Силы были на исходе, лук и колчан стрел лежал где-то неподалеку, но дотянуться до них не было никакой возможности. Молодой человек быстро начал шарить руками по траве, пытаясь на ощупь отыскать палку или камень. Но ничего такого не оказалось, кроме голого песка раскаленной пустыни. Лев схватил охотника за горло и тот стал хрипеть, задыхаясь под сильным удушьем. Но в нос ударил резкий сладковатый запах львиного пота, и молодой человек из последних сил попытался набрать хоть немного воздуха, но тщетно. Зверь медленно сжимал горло, запах пота не переставал преследовать молодого человека, который понял, что еще секунда и его душа отправится в царство мертвых на суд, где боги прочитают над ним приговор, после чего его душа будет скитаться среди мертвых, есть глину и пить серу. И в последний раз сделав над собой усилия, Лугальзагесси вдохнул и резко проснулся. Старая кормилица, дремавшая в углу комнаты, проснулась и подбежала к кровати больного. Тот, весь бледный, обливаясь холодным потом, блуждающим взглядом смотрел в потолок через полог, не понимая где находится. Женщина намочила в холодной воде тряпку и положила на лоб молодого человека. Лугальзагесси немного пришел в себя и понял, что сладкий запах источает не пот зверя, а диковинные цветы в саду да благовония, которые зажигали для того, чтобы больной побыстрее поправился. Кормилица подбросила фимиам в чашу с дымящей ароматической смолой и открыла шире окно. Лугальзагесси приподнялся на локте и сказал слабым голосом:

– Убери... унеси это... – и указал на чашу с благовониями.

Женщина не поняла его и переспросила:

– Что ты желаешь, господин мой?

– Я сказал, убери, унеси из комнаты благовония и закрой окно...

– Но твой отец, достопочтенный Укуш, сказал, чтобы фимиам и смола постоянно горели в твоей опочивальне.

– Глупая женщина, убери отсюда все, что источает аромат, меня тошнит от сладкого запаха, я задыхаюсь!

Старая кормилица упала на пол в низком поклоне, злясь на себя, что разгневала молодого господина. Она быстро закрыла большое окно, вынесла чашу с фимиамом и вернулась назад, ожидая приказа.

– Мой господин что-нибудь еще желает?

– Принеси холодную воду, я очень сильно хочу пить.

Женщина быстро принесла в золотой чаше родниковую воду, которая была настолько холодна, что сводила зубы, но пить ее было блаженным удовольствием. Лугальзагесси почувствовал, что силы снова вернулись к нему, хотя боль в груди еще не прошла, да и шрамы от когтей все еще выделялись на фоне груди темными полосами. Молодой человек встал с постели, слегка пошатываясь, и приказал приготовить для него ванну. Женщина низко поклонилась и

спустилась на первый этаж, отдала служанкам распоряжение наполнить мраморный бассейн теплой водой и приготовить чистые одежды.

Пока Лугальзагесси нежился в бассейне, куда женщина набросали лепестки роз, юная служанка с прекрасным смуглым телом, растирала его спину мочалкой, смоченной в душистом мыле. Затем она подала ему набор для чистки зубов и розовую воду для умывания. После окончания водных процедур девушка натерла все тело и волосы господина маслами и повязала ему чистый передник из тончайшей ткани. На ноги обула кожаные сандалии с золотой застежкой, после чего Лугальзагесси довольно оглядел себя в зеркало и пошел в главный зал. Там сидел Укуш перед статуей Энлиля и молил бога подарить его сыну долгую и счастливую жизнь.

– Отец, – только и мог сказать Лугальзагесси, когда увидел сгорбленную спину своего родителя.

– Сын мой! – жрец вскочил на ноги и с юношеской быстрой подбежал к молодому человеку и крепко обнял его. – Я все время, пока ты был в беспамятстве, молился богам, и они услышали мои молитвы. Я счастлив, что вижу тебя в добром здравии.

– Благодарю тебя, отец мой, – Лугальзагесси взял старческую руку и поцеловал ее.

Укуш прослезился и пригласил сына разделить с ним трапезу. После обеда жрец и его сын прошли на балкон, откуда открывался живописный вид на город, стены которого заканчивались там, где начиналась безводная пустыня, кишущая змеями и скорпионами. Легкий ветерок принес крупички песка, которые кружась некоторое время в воздухе, легли на край балкона. Лугальзагесси смахнул их ладонью и вобрал в легкие свежий воздух.

– Сколько дней я спал? – спросил он, нарушив тишину.

– Четыре дня, сын мой. Все эти дни ты бился в беспамятстве, лихорадка никак не хотела покидать тебя. Лекарь сказал, что ты потерял слишком много крови.

– Зато я победил голыми руками льва! – довольно отозвался молодой человек.

– Я всегда боялся отпускать тебя на охоту без охраны, но ты никогда не слушался меня. В тот день я предчувствовал, что что-то случится. Я не хочу, сын мой, рисковать твоей жизнью.

– Но, отец, все в руках богов... Ты сам мне это говорил.

– Да, я говорил тебе это, но небожители не любят, когда человек злоупотребляет их доверием. Прошу тебя, будь осторожен. Охота – это не война, погибнуть от когтей или клыков зверя не в почете у нашего народа.

– Я слышал, будто ты заказал полотно, где я изображен победителем льва.

– И не только полотно. Медники и гончары трудятся в своих мастерских, дабы изготовить амфоры, горшки и чаши с изображением бесстрашного охотника.

– Послушай, отец, – решил сменить тему разговора Лугальзагесси, – я победил льва. Что это могло означать? Какое послание дали мне боги? И еще я видел сон перед тем, как проснуться. Я убил много маленьких львят и молодого льва, но огромный старый лев поборол меня и схватил за горло, он душил меня, не давал вздохнуть, и в тот миг я проснулся.

Укуш широко открыл глаза и тихо прошептал молитву. Затем он повернулся к сыну спиной и зашагал прочь от балкона. Он лишь успел уловить фразу, которую бросил ему вслед Лугальзагесси: «Отец, что это могло значить? Почему ты молчишь?» Но жрец даже не обернулся. Слезы застилали его глаза, ему трудно было дышать. Кто же победит моего сына, когда он станет царем, кто? – думал старик.

Весь оставшийся день Лугальзагесси был мрачен. И когда к нему пришел друг Сурру-Или, он даже не захотел слушать смешную историю про жену гончара, которая родив дочь, клялась мужу, что это его ребенок, хотя девчушка нисколько не похожа на гончара. Потом оказалось, что во время отсутствия мужа, та женщина принимала у себя своего соседа – продавца лепешек и, поговаривали соседи, проводила с ним долгое время, после чего сразу забеременела.

– Представляешь! – смеялся Сурру-Или. – Дочка-то и не дочь гончара оказалась, а ребенком его соседа. А гончар, дурень такой, еще жене подарок сделал, да потом спохватился.

Юноша еще продолжал долгое время смеяться, в то время как Лугальзагесси продолжал пребывать в мрачном расположении духа. Наконец, он не выдержал и прокричал:

– Да к черту этот гончар с его прелюбодейкой-женушкой! Я их не знаю и знать не хочу. Сурру-Или разом прекратил смеяться и удивленно уставился на друга:

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет. Но сегодня отец был какой-то странный. Я рассказал увиденный мною сон, а он вместо того, чтобы растолковать мне его, убежал с балкона и весь день теперь сидит в молельной комнате, воскуряя фимиам перед золотыми статуями богов.

– Может быть, сон предвещал какую-либо беду твоему достопочтенному отцу, и он решил избавиться себя от той участи и потому ушел молиться? – голос Сурру-Или стал серьезным, вся радость разом улетучилась в один миг.

– Нет, мой друг, мой отец никогда не боялся за себя, чтобы с ним ни случилось. Дело во мне.

Не добившись никакого признания, Сурру-Или ушел в расстроенных чувствах. Он так ждал встречи с Лугальзагесси, что узнав о его выздоровлении, сразу же сел в колесницу и примчался к нему домой. Более того, увидев друга в подавленном настроении, юноша хотел развеселить его, снова увидеть белозубую улыбку друга, но тот по виду был не только далек от дружеской встречи, но и дал понять, что не настроен на беседу с ним.

Когда солнце скрылось за горизонтом, в последний раз осветив лучами дальние оазисы, Укуш вышел из молельной комнаты. Вид его был уставшим. Тяжелые темные тени легли под глазами, сделав его взгляд еще более подавленным. Старый жрец прошел в зал трапезы и сел во главе стола на золоченное кресло, спинка которого была инструктирована золотыми быками с крыльями. Рабы внесли на подносах только что пожаренного гуся, приправленного зирой, да запеченные в тесте яблоки. Служанка полила гуся соусом и налила в чашу вино. Укуш нехотя поужинал и направился в комнату сына. Тот сидел в кресле и держал в руках позолоченный меч, рукоять которого украшала резьба из слоновой кости. Жрец бесшумно прошел на середину комнаты и добрым взглядом посмотрел на Лугальзагесси, своего единственного сына, ради которого добивался руки принцессы. Если Лугальзагесси женится на старшей дочери царя, то после смерти тестя станет полноправным правителем Уммы и займет место более высокое, нежели его отец.

– Ты не пришел разделить со мной трапезу, сын мой, – спокойно проговорил Укуш.

Лугальзагесси медленно оторвал взгляд от лезвия и уставился на отца отрешенным взглядом, словно тот помешал его думам. Старый жрец ласково посмотрел на молодого человека и спросил:

– Ты хорошо себя чувствуешь, сын мой?

– Отец, – вдруг проговорил Лугальзагесси, проведя указательным пальцем по тонкому лезвию меча, – когда наш царь избавить жителей Уммы от позорной зависимости Лагаша? У нас много воинов, достаточно колесниц и боевых коней. Молодые солдаты целыми днями просиживают без дела в казармах, устраивая иной раз соревнования на меткость. Но жизнь их лишена смысла. Они томятся. Их колчаны набиты стрелами, у каждого имеется меч и копье, жаждущие вражеской крови, а наш правитель взывает целыми днями к богам вместо того, чтобы собрать армию и повести в плодородную долину Гуэден? Покорив царька Лагаша и захватив его владения вместе с Гуэденом, наш царь сможет без труда объединить все раздробленные города в одну силу. Тогда мы станем единой страной, как Египет, который уже давно косо смотрит в нашу сторону. И пока мы захлебываемся в междоусобной, проливая кровь своего же народа, коварные египтяне во главе со своим фараоном, вступят в пределы Междуречья и поработят нас. Вот чего я боюсь, отец! Нас по одному легко можно разбить, чего египтяне

и ожидают. Но на севере у нас тоже есть враги: царь Аккада не прочь полакомиться нашей теплой землей. Почему же наши цари этого не видят? Почему не могут прийти к единому согласию, или же ждут, пока нас не поработят южные или северные соседи? Ответ же мне на этот вопрос, отец!

– Сын мой, я не воин и не мне думать о войнах и битвах. Твоими устами молвит сам Нинурта. Ты родился воином и сам уже давно ответил на свой вопрос. Да, царем Шумерии может стать лишь один человек, и только тогда, когда он объединит всю страну в единый кулак, чужеземцы усмирят свой пыл и сами будут бояться нас.

– И ты знаешь, кто будет этим царем? – Лугальзагесси удивленно посмотрел в глаза отца и напрягся в ожидании ответа.

– Это будешь ты, мой сын. Боги не создали тебя ревнивым служителем их культуры, но ты воин, с самой колыбели ты радовался при виде оружия, ты всегда тянул к нему руки. Нинурта создал тебя таким, дабы ты смог остановить кровопролития и воссоздать новое государство.

– Но как я стану царем, отец?

– Боги сами дадут тебе ответ. Только дождись его, – с этими словами Укуш развернулся и старческой походкой направился к выходу.

Оставшись один, Лугальзагесси бросил меч на пол и быстрыми шагами прошелся по комнате туда-сюда. Сердце гулко билось в груди, словно желая вырваться наружу. Неужели это случится? Но каким образом? Он, Лугальзагесси, не сын, и даже не родственник царя. Неужели отец и на этот раз что-нибудь придумал? Но как? Мысль о дочерях правителя, среди которых особенно славилась своей красотой старшая Наниста, даже не посетила молодого человека. Да, когда-то у царя было два сына, но они умерли, так и не дожив до пяти лет. А вот дочери все как на подбор: красивы, умны, образованны. Но женщина не может занять престол, такого в Шумерии никогда не позволили бы. Женщина была создана для продолжения рода, в то время как бразды правления всегда находились в руках мужчины. И потому, лишь тот, кто женится на принцессах, и станет царем. Неужели ему отец поручит взять в жены женщину, которую он ни разу не видел и не знал? И будет ли этот брак счастливым? Думая об этом, Лугальзагесси не заметил как наступила ночь. Яркие звезды освещали черное небо мириадами огоньков. Половинка луны медленно выходила из-за туч, нависших над землей. Прохладный ветерок ворвался в комнату, подняв край полога, и унесся обратно в пустыню, где вдалеке слышался вой гиены.

«Боги сами дадут тебе ответ. Только дождись его», – звучала в голове последняя фраза, сказанная отцом. Но вокруг все оставалось спокойным. Даже не было слышно шелест травы и цветов в саду, не подул даже слабый ветерок. «Боги, дайте мне хотя бы мимолетный знак, пусть даже если он будет в шелесте пальмовых листьев. Тогда я приму все, что вы мне послали», – тихо проговорил Лугальзагесси, прислушиваясь к тишине, но ответ так и не был дан; стояла тихая южная ночь, похожая на все остальные.

Прошел еще один месяц. На смену знойному лету пришла осень, внеся в город прохладный ветерок, дующий с северных гор, откуда берут свое начало две великие реки – Тигр и Евфрат. Толпы крестьян с мотыгами и большими мешками, перекинутыми через смуглые плечи, направлялись с раннего утра на поля, где в течении многих месяцев трудились изо дня в день, дабы построить оросительные каналы, которые затопляли засеянные злаками поля, чтобы через четыре месяца собрать обильный урожай.

Женщины в одних лишь цветастых юбках, собрав длинные волосы наверх, весело переговаривались, неся большие корзины на головах. Они направлялись на фруктовые сады, где собирали финики, миндаль, персики, сливы, абрикосы и мандарины. Все фрукты крестьянки затем аккуратно складывали в корзины и относили на склады, принадлежащие богачам. Маленькие детишки, хватаясь за подол материнской юбки, тянули ручонки вверх, прося еще один финик.

И если матери тайком давали фрукты своим детям, те радостно отбегали в сторону и садились где-нибудь в тень пальмы, дабы вволю наесться сладкие плоды.

В один из дней, когда урожай был полностью собран, по улицам города поплыли золотые, серебряные паланкины вельмож и чиновников высшего ранга. Вся знать Уммы направлялась во дворец царя, который устраивал грандиозный праздник, сопровождающийся трехдневным пиром, подготовка к которому длилась целые две недели. Рабы сновали туда-сюда, разнося большие чаши с розовой водой, в которой будут мыть руки пришедшие гости. Гирлянды, сплетенные из различных благоухающих цветов, висели над капителями залов и обвивали мраморные колонны роскошного дворца. На все стулья, предназначенные для приглашенных вельмож, были расстелены шелковые покрывала, перетянутые большими лентами. Отдельно украшали комнату для женщин, ибо представительницам прекрасного пола недопустимо было присутствовать в одном пиршественном зале с мужчинами, дабы не смущать их умы своей красотой. Женская половина располагалась в дальнем крыле дворца, где находился гарем жен и наложниц царя, которые проводили целыми днями возле мраморного бассейна, заплетая друг другу косы или умащая свои прекрасные тела благовонными маслами. Но в праздничный день женщины позвали к себе служанок, дабы те украсили их наряды золотыми поясами с драгоценными камнями и подобранные вверх черные волосы, закрепленные серебряными заколками и золотым обручем.

Наступил долгожданный вечер. Солдаты, поставленные на выходе из дворца, рассматривали каждый подошедший паланкин с нескрываемой завистью. Из паланкинов, которые несли рослые чернокожие рабы, выходили знатные люди Уммы в сопровождении своих жен и прекрасных дочерей, сводивших с ума молодых юношей своей юной красотой. Аромат благоухающих масел, исходивших от их тел и нарядов, витал в воздухе и разносился по длинным коридорам дворца. Молодые рабыни в одних лишь набедренных повязках, позванивая множеством браслетов, с поклоном встречали важных дам и провожали их на женскую половину, где их ждали жены, наложницы и дочери государя.

Отдельной процессией прибыли ко дворцу жрецы высокого ранга во главе престарелого Укуша, восседавшего в носилках. Его наряд и множество золотых украшений, инструктированных тонкой резьбой, не особо походил на наряд священнослужителя, которые должны были по всем правилам вести целомудренный скромный образ жизни, тратя все свое время на поклонение богам. Но верховный жрец был не просто священнослужителем, как остальные. Он являлся вторым после царя человеком в государстве, чье мнение было не менее важным, чем мнения сановников и министров. И его присутствие на всех церемониях и праздниках было неотъемлемой частью его долга.

Лугальзагесси ехал на вороном коне рядом с носилками отца и пристально вглядывался вдаль, где виднелись ворота царского дворца. Когда они поравнялись с паланкином одного важного чиновника, ведающего урожаем, тот высунул голову из окна и спросил:

– Как ваше здоровье, уважаемый? – обратился он к Укушу.

– Боги милосерды ко мне, ибо дали мне слишком большой жизненный срок, – тон жреца был холоден и равнодушен.

– Ваше преосвященство! Вы так замечательно выглядите, что проживете еще тысячу лет!

– Если такова будет воля богов.

Лугальзагесси украдкой посмотрел на чиновника и глубоко вздохнул. Если бы он не был сыном верховного жреца, то вряд ли бы мог себе представить, что этот пухлый коренастый человек с пухлыми губами и плешивой головой мог обокрасть целые склады собранного урожая. В добавок ко всему, этот человек брал взятки в большую сумму у купцов, которые стремились расширить свое торговое дело. И если кто-либо отказывался от взяток, то мог раз и навсегда забыть о своем деле, ибо тогда путь в большую торговлю был для бедняги перекрыт. Лугальзагесси всем сердцем презирал этого лицемерного человека, чье имя было Ибат. Ибат

мог целыми днями кланяться и целовать сандалии царю, и в тоже время обирать народ, который всю жизнь трудится не покладая рук.

«Когда я стану царем, ты навсегда забудешь о своей роскошной жизни», – подумал будущий царь, зная, какую виллу построил себе Ибат два месяца назад, в которой окружил себя прекрасными наложницами.

Их кортеж подъехал ко дворцу. К Лугальзагесси выбежал навстречу Сурру-Или в парадной одежде молодого воина. Отец юноши был поставлен командиром охраны, так что его сыну выпала огромная честь присутствовать на празднике. Друзья весело поприветствовали друг друга и поднялись по широким ступеням на третий этаж, где собрались почти все гости. Запах благовоний и ароматы цветов смешались в просторном зале со множеством мраморных колонн. Рабы разносили изысканные блюда, музыканты сидели в углу зала и играли на арфах, а юные танцовщицы в одних лишь украшениях, танцевали для гостей, плавно извиваясь всем телом. Их руки и ноги, умащенные благовониями, блестели при свете факелов.

Вдруг музыка разом смолкла и все приглашенные встали из-за стола, низко склонив головы. В пиршественный зал в окружении телохранителей, вошел царь, разодетый в наряд из красного атласа, на котором переливались драгоценные камни. Две нежноокие рабыни опустились на колени перед царем и бросили к его ногам лепестки роз, после чего молча удалились за двойной ряд колонн, дожидаясь того момента, когда им придется ублажать хмельных гостей на ложе из цветов.

Царя сопровождали прибывшие из далекого Египта иноземные послы, одетые в белые гофрированные юбки с синими поясами и широкими украшениями на груди. За ними шли рабы, неся на вытянутых руках подарки из страны Такемнт – Черной земли, как называли свою страну жители берегов Нила. Все египтяне, коих было шестеро, включая переводчика, были высокими, широкоплечими мужчинами с большими орлиными носами, большими черными глазами с опущенными концами век и волевым подбородком. Шумеров очень позабавило то, что послы были полостью побриты и не носили ни бороды, ни усов, ни длинных волос. Держались египтяне гордо, даже высокомерно, поглядывая с презрением на аляпистые наряды шумерской аристократии, украшенные к тому же бахромой, которая никак не смотрелась с золотыми украшениями и дорогой тканью.

На середину выступил рослый египтянин с красивым лицом и живыми карими глазами. Он приложил одну руку к груди и поклонился царю. Затем дал знак рабам разложить диковинные подарки, которые прислал сам фараон – живой бог. У царя загорелись глаза. Когда еще удастся в такой глуши, отрезанной от остального мира безводной пустыней, как город Умма, полюбоваться столь дорогими и изысканными дарами? Перед ним положили шкатулку из черного дерева, в которой лежали диковинные благовония из Центральной Африки, белая ткань из тончайшего хлопка, золотая утварь и шкуры леопарда. Все это было разложено к ногам царя. Остальные вельможи вытянули голову, дабы полюбоваться такой красотой. Лишь Лугальзагесси со злобой смотрел в сторону послов, которые через переводчика рассказывали о том, как фараону будет приятно поближе познакомиться с царем Уммы, как им, недостойным, приятно преподнести подарки, достойные царя. Слушая хвалебную речь, Лугальзагесси отвернулся и подумал: «Царь радуется словно дитя, которому подарили впервые игрушку. Но разве он не понимает, что эти жалкие податки, которые постеснялся бы подарить государю даже слуга, лишь показывают пренебрежение к нам со стороны гордого фараона? Почему наша страна никак не может объединиться против иноземных захватчиков, которые косо смотрят в нашу сторону на протяжении нескольких веков? Фараону не хочется иметь под боком сильную Шумерию, ему нужна власть над нами, но как мы можем помешать этому, если наши цари даже между собой не могут уладить?»

Пока молодой человек рассуждал о бедственном положении своего великого народа, пир продолжился представлениями фокусников и актеров, которые разыгрывали сценки под весе-

люю музыку. Хор певцов и певиц, состоящий из молодых юношей и девушек, запел песню о любви и прекрасном цветущем саде, где жили роза и соловей. Многие вельможи, слушая старую песню, вытирали тыльной стороной ладони катившиеся по их щекам слезы и широко улыбались.

В то время как шумеры весело праздновали День сбора урожая, уточенные египтяне сидели и молча ели пораженного до золотистой корочки гуся, поливая его время от времени лимонным соком. Один из них, сделав два глотка вина, наклонился к соседу и тихо проговорил на своем языке:

– Фу, не вино, а кислятина. У нас такое даже плебеи не пьют.

– И не говори, Септи, – ответил второй египтянин, – у этих варваров ничего хорошего нет. Одеты как бедуины не смотря на знатное положение, мясо пересоленное, вино кислое, выпечка пресная. У меня уже комок к горлу подкатил от этой еды.

– Так позови раба. Вон один из них стоит с тазиком и пером.

– Не могу больше терпеть, – проговорив последнюю фразу, египетский посол наклонился над полом и вырвал на каменные плиты с изображением божественных быков. К нему тут же подбежал раб с тряпкой и вытер пол. Египтянину дали выпить розовой воды и предложили поесть еще что-нибудь.

Когда смолкла музыка и певцы ушли за двойной ряд массивных колонн, в зал вошли невольники с подносами новых блюд. Гости радостно воскликнули и по очереди стали призывать к себе рабов с тазиками, дабы наполнить свои желудки новыми изысканными блюдами. Рабы, в обязанности которых входило очистка желудков знати, с брезгливыми взглядами подходили к каждому вельможе и засовывали в рот гусиное перо, после этого сразу подставляя таз. Когда вельможа прочищал желудок, рабы безмолвно уходили мыть тазы. На Древнем Востоке такая традиция была обычным явлением, ибо гости должны были отведать все блюда, которые ему предлагались, дабы не оскорбить хозяина.

Лугальзагесси весь вечер мало ел и пил. Ему не давали покоя египтяне, во взглядах которых он читал пренебрежение к его народу. А ведь были времена, когда жители Нила считались с величием Шумерии, и даже отправляли своих детей учиться в шумерские школы. А сейчас все наоборот: Египет с каждым годом становится все мощнее и мощнее, власть фараона неприкасаемая, и египтяне чтят его как живого бога, им даже в мыслях не приходило убить своего царя или хотя бы раз не подчиниться. В чем же кроется секрет такой власти фараона? Уж неужели он действительно живой бог или же египтяне сами придумали традицию, по которой их царь остается до конца дней и даже после смерти божеством? А что, если и в Шумерии будет такой же повелитель, который подогнет под себя всех непокорных царьков, который объединит страну в единую силу и направит армию на завоевание новых земель? Все эти думы давно витали в голове Лугальзагесси, еще с тех самых пор, как отец пророчествовал ему титул царя.

Сурру-Или подбежал к другу, который сидел в стороне и грустным видом смотрел на шелковые занавески между двумя колоннами, расшитые золотыми нитями. Лугальзагесси оторвался от своих мыслей и взглянул на друга таким взглядом, словно его оторвали от важного дела.

– Лугу, что ты все время грустишь в одиночестве? Смотри, сейчас будет танец дев! – Сурру-Или весело усмехнулся и глотнул красного вина.

– Танец уже начался?

– Нет... Погоди, смотри.

На середину зала вышли тридцать танцовщиц в одних набедренных повязках. Их иссянчёрные волосы были распущены и ниспадали до пояса легкими кудряшками; кисти рук и ступни ног были изрисованы хной в различный орнамент. Звеня множеством украшений, юные девушки поклонились гостям, которые специально встали из-за стола, дабы поглядеть на самый чудесный танец на свете, который исполнялся молодыми красавицами.

Заиграла арфа. Девушка вытянули руки и согнулись, плавно сделав полукруг бедрами. Затем вместе с арфой забил барабан, который придал музыке более живой ритм. И вот тут начался сам танец дев, во время которого танцовщицы улаживали взоры гостей своей грацией, нежными изгибами стройного тела, красотой волос. Мужчины образовали круг вокруг танцующих красавиц и подбрасывали им лепестки роз, давая понять, что им танец понравился.

Лугальзагесси долго блуждал глазами по юным красавицам, как вдруг его взор остановился на одной из них: стройной, узкобедрой девушке с длинными ногами и черными волосами, которые блестели при свете факелов, отражая синий оттенок. Молодой человек застыл в изумлении, ибо никогда в жизни не видел столь дивной красоты. Плавные движения девушки заставили его забыть о троне, хитрых египтянах и коварного царя Лагаша. Лугальзагесси поставил чашу на стол, не отрываясь от танцовщицы, и подошел поближе, дабы рассмотреть ее лицо, скрываемое легкой вуалью. Поллица он так не увидел, но зато его заворожили глаза ее: черные, миндалевидные с длинными густыми ресницами, которые смотрели так, словно в них отражался сам огонь. Нет, такого не может быть, думал молодой человек, женщина не может быть столь красивой, ибо такая красота принадлежит лишь богине. А, может быть, сама божественная Иштар спустилась на нашу землю, дабы я мог забыть то, что в последнее время терзает меня? Все эти мысли волной пронеслись в голове тщеславного сына верховного жреца, который много раз в свои двадцать лет встречал красивых женщин, но ни одна из них еще не произвела на него такого сильного впечатления, как эта танцовщица. Лугальзагесси не заметил как ритм музыки стал с каждым мгновением ускоряться, юные девушки уже не кружились плавными движениями, а пустились в быстрый пляс. Длинные волосы, юбки, множество браслетов – все взвилось в воздух вместе с быстрым кружением. Пламя горящих факелов затрепетало словно на сильном ветру, барабан бил все живее и живее, девушки кружились все быстрее и быстрее – лишь браслеты блестели при неярком свете. И тут музыка разом смолкла, танцовщицы упали на колени и склонили головы. Все гости завопили радостными голосами, многие из них захлопали в ладоши и бросили к ногам красавиц множество лепестков. Сам царь встал с трона и протянул одной из них чашу с вином. Девушка поднесла дар ко лбу, а потом сделала глоток, после чего передала чашу другой. Вино переходило из рук одной танцовщицы в руки другой – это означало, что правитель рад и благословил их танец.

Лугальзагесси все время смотрел на одну из них до тех пор, пока к нему не подошел Сурру-Или и не спросил:

– Друг, что с тобой?

– Посмотри, как она прекрасна. Слово райская дива, – тихим голосом проговорил тот.

– Кого ты имеешь в виду?

Лугальзагесси указал на красавицу и ответил:

– Её. Не правда ли, она прекрасна?

– Ну... не знаю, – сказал Сурру-Или, – по мне так совсем обычная. Никаких женственных форм.

– Ты просто не разбираешься в красоте. Или тебе больше нравятся как вон та? – Лугальзагесси указал на упитанную, большого роста чернокожую рабыню с большими медными серьгами в ушах.

– Да, таких я люблю, – Сурру-Или довольно потер руки и подошел к чернокожей красавице, которая оказалась на целую голову выше его. Молодой человек что-то шепнул ей на ухо, та рассмеялась и повела его в отдельную комнату, где стояла приготовленная для такого случая кровать, сплетенная из множества цветов.

Лугальзагесси широко улыбнулся в след другу и прошел за танцовщицами, которые теперь уселись на шелковые подушки за двойным рядом колонн и отдыхали после танца, отрывая по ягодки винограда, что лежал кистями на подносе. Молодой человек подошел к одной

из них и протянул свою большую сильную руку со словами «Пойдем». Девушка посмотрела на него удивленным взглядом и медленно встала, позванивая браслетами.

Когда они очутились на балконе, где никого не было, Лугальзагесси приказал одному из рабов завесить вход и приказал, чтобы тот никого туда не пускал. Когда приказ был выполнен и можно было не волноваться, что кто-то ненароком потревожит их, молодые люди уселись на мягкие подушки под альковом и долго смотрели друг на друга. Девушка провела рукой по вуали, скрывающей ее лицо, и сорвала ее. Лугальзагесси ахнул от увиденного: большие миндалевидные черные глаза под тонкими дугообразными бровями, аккуратный носик, большие пухлые губы, точеный подбородок – все это явило лицо дивной красоты, которая превзошла саму Луну. Молодой человек легонько провел указательным пальцем по ее щекам, которые пылали от смущения, и поцеловал алые губы. Девушка посмотрела в красивые глаза своего возлюбленного и запустила тонкие пальчики в его густые кудри, сколотые на лбу золотым обручем.

– Как ты красив, мой господин! Ты – отрада глаз для любой женщины, даже для богини, – прошептала красавица, дыхнув на Лугальзагесси своим сладким дыханием.

Лугальзагесси почувствовал аромат цветов и благовоний, исходивших от ее прекрасного тела кофейного цвета и ответил таким же тихим голосом:

– Ты и есть богиня Иштар. Ты спустилась с неба на землю, чтобы усладить своей красотой взоры смертных. Ты одна из всех обладаешь красотой, никто с тобой не сравнится.

– Я не заслуживаю такой похвалы, о прекрасный мой господин! Я обычная танцовщица, а не благородная дама.

– Ты – богиня красоты, ты свет, падающий с неба. Твое лицо словно Луна, глаза твои словно звезды, дыхание твое словно благоухающий сад, волосы твои словно южная ночь, губы твои словно лепестки роз, тело твое словно золото. Ты – алмаз, самый драгоценный алмаз из всех, что я когда-либо видел.

Он уложил ее на ложе, застеленное лепестками алых роз и поцеловал в шею. Девушка обвила его своими тонкими руками и прижала к себе. Лугальзагесси почувствовал искреннюю нежность к этой красавице, еще ни разу ночь, проведенная в объятиях женщины, не была для него столь прекрасной. Лиа, так звали юную танцовщицу, сделала все возможное, чтобы молодой человек почувствовал блаженство. Когда небо порозовело на горизонте и где-то вдалеке прокричал петух, молодые люди лежали, обнявшись под альковом, их дыхание слилось с утренним ветерком, который прилетел на балкон и поднял край полога. Лиа надела набедренную повязку и встала с постели. Лугальзагесси, все еще лежа с полузакрытыми глазами, протянул к ней руку и слабым голосом прошептал:

– Не уходи, моя Иштар. Побудь еще со мной.

– О мой господин, это небывалая честь для меня, – девушка легла рядом с ним, положив голову ему на грудь.

Молодой человек пригладил ее распустившиеся волосы и взял одну прядь в свои руки, которую поднес к лицу и вдохнул аромат, исходивший от нее. Затем он уложил Лию на спину и провел ладонью по ее стройному телу. Девушка слегка улыбнулась своей обворожительной улыбкой и сжала его ладонь в своей. Лугальзагесси поцеловал одну из ее грудей и, поднявшись выше, прижался губами к ее сладким устам. Лиа обняла его и тихо спросила:

– Что ты хочешь, господин мой? Приказывай мне.

– Я хочу видеть тебя своей женой.

– Но... это невозможно... Я не знатного происхождения...

– Тогда ты будешь моей наложницей, моей любимой женщиной. Роди мне сына и после этого я сам изберу тебя царицей моего дома, моего сердца и всего, что у меня есть.

– Я буду целовать следы твоих ног, если ты мне прикажешь. Я стану верной собакой, если будет такова твоя воля. Я последую за тобой, куда бы ты ни пошел. Я умру за тебя, о божественный господин мой!

– Лишь ты одна госпожа моего сердца, ты – богиня красоты, о которой даже Энлиль не смеет мечтать. Я прикажу ваятелю создать твою статую, дабы все люди могли любоваться твоей красотой во веки веков. Ты одна лишь из всех женщин заслуживаешь это.

Лугальзагесси обнял Лию, прижав к своей мощной груди, а затем отпустил ее. Когда она ушла, оставив после себя аромат цветов, молодой человек все еще продолжал лежать на шелковом ложе, мечтательно улыбаясь.

Часть II

Посреди ночи в ворота храма постучал закутанный в черный шерстяной плащ мужчина средних лет. Ворота открыл жрец в длинной белой туники, прикрывая одной рукой свечу. Внимательно посмотрев на незнакомца, жрец тихо спросил:

– Кто ты и что тебе надо?

Неизвестный скинул капюшон и посмотрел на священнослужителя немигающими карими глазами. Он достал из складок длинного хитона горсть монет, подал их жрецу и тихо проговорил:

– Всех, кого сможешь, позови ко дворцу царя. Быстро!

– Что случилось? – удивился жрец, недоверчиво вертя монеты в ладони.

– Я верный слуга нашего властелина. Но сказать ничего не могу. Пусть все жрецы верховного сана придут во дворец как можно скорее. Вся знать города уже там.

Жрец чмокнул языком по щеке и скрылся за колоннами храма, где располагался длинный коридор, ведущий в келья жрецов. Через некоторое время верховный жрец Укуш во главе с сыном, свитой и другими жрецами прибыли к назначенному месту. Повсюду горели факелы, слуги и рабы беспорядочно бегали по дворцу, где-то вдалеке слышался истошный женский плач. Распорядитель дворца приказал удалиться женщинам на женскую территорию, а затем провел всех собравшихся в покои царя. Там стояла абсолютная тишина, лишь слабый ветерок качал занавесы полога. Царь лежал лицом, обращенном к потолку, глаза с расширенными зрачками были неподвижны. Статуя бога Энлиля, переливаясь золотистым цветом, с загадочной улыбкой смотрела стеклянными глазами на владыку Уммы, который уже отошел в царство мертвых, где боги приготовились свершить суд над своим сыном, после чего душа царя попадет либо в рай, либо в ад, где будет слоняться во веки веков, вдыхая лишь пыль и глину.

Укуш, по-старчески кряхтя, подошел к ложу, на котором покоилось тело царя, и приложил ладонь к его холодному лбу. Остальные потупили взоры, краем уха различая отдельные обрывки молитвы, которую читал жрец над покойником. Лугальзагесси сглотнул слюну и впервые в жизни искренне помолился небожителям, которые взяли к себе новую душу.

Несколько дней шли приготовления к похоронной церемонии, во время которых рабочие выкапывали целый котлован, служивший могилей. Данный котлован походил больше на большой просторный дом, нежели на гробницу. В нем имелось несколько комнат и длинный коридор, куда уносили не только тело мертвого царя, но и предметы роскоши: столы, стулья, кровать, золотые и серебряные чаши. Процессия вместе с золотым саркофагом царя проделала долгий путь по пустыне прежде чем дойти до усыпальнице. Вместе с жрецами, женами и детьми покойного владыки, позади шествовала процессия красивых служанок, музыкантов и рабов, которых должны были принести в жертву, дабы те и после смерти служили бы своему господину, как это было при жизни.

Когда саркофаг с телом царя поместили в самый глубокий отсек усыпальницы и замуровали его кирпичом и заштукатурили глиной, начиналась самая драматическая часть церемонии. В глубокую могилу спускались рабы, юные служанки, музыканты с арфами и солдаты. Все они были одеты в самые лучшие одежды, их густые черные волосы украшали серебро, золото и драгоценные камни. Все эти люди садились на дно могилы, держа каждый медный или глиняный сосуд. Арфисты заиграли печальную музыку, в то время как остальные набирали в сосуды смертоносное зелье и выпивали его по очереди. После этого каждый укладывался на определенное место в ожидании смерти. Когда умерли слуги, наложницы, музыканты и солдаты, жрецы подвели ревевшего быка, чувшего приближение смерти, и закололи его ритуальным кинжалом, после чего разрезали его тело на куски и положили в могилу поверх бездыханных тел верных слуг царя. Двое рослых рабов взяли лопаты и засыпали второй отсек.

Затем были принесены в жертву другие слуги царя, которые с радостью расставались с жизнью, дабы догнать властелина в бескрайнем просторе, чтобы послужить ему верой и правдой в мире мертвых.

Все это время, глядя на кровавые ритуалы жертвоприношения, Лугальзагесси отвернулся, дабы не смотреть на столь горестное зрелище. Царь мертв, наследника нет, Умма остался без владыки и господина. Молодой человек отошел в сторону и кратко взглянул на жрецов, которые вытирали окровавленные руки о передник. Укуш все время пел молитвы, призывая душу царя принять сии дары. После того, как кончился длинный погребальный ритуал, могилу полностью засыпали землей, в которой покоились тела людей и животных, жрецы, сановники и чиновники высших санов пошли обратной дорогой в город, жители которого вышли на улицу и стали горестно оплакивать покинувшего их царя. Женщины срывали с себя украшения, выдергивали волосы, царапали себе лица, по которому текли горестные слезы. Мужчины подали на раскаленную солнцем землю, призывая богов помочь несчастным людям, которые остались без поддержки. Однако каждый горожанин в душе с нетерпением ждал того момента, когда объявят нового царя Уммы. Три наследника, которые были отрадой ныне покойного владыки, умерли еще в детстве; и среди детей остались лишь дочери, старшей которой исполнилось недавно шестнадцать лет. Все знали, что новым правителем Уммы станет лишь тот, кто женится на принцессе, о красоте которой ходили различные слухи. Но кто будет этим счастливым, которому достанется и престол, и рука самой красивой из всех дочерей ушедшего царя.

В приемном зале стояла нестерпимая жара. Большой шмель, кружась над кистью винограда, лениво уселся на стол. Мед в золотой чаше так и притягивал большое толстое насекомое, которое взлетело на край кубка и только хотело было полакомиться сладостями, как сильный щелчок сбил шмеля. Шмель упал на пол и затих. Слуга смахнул бездыханное тельце насекомого и поставил на стол только что испеченные пирожки с финиками и фисташками. Затем он разлил в золотые кубки красного вина и бесшумно удалился.

Совет длился уже который час, которым руководил уставший Укуш. Верховный жрец с отекавшими глазами сидел на почетном месте и вглядывался в советников и вельмож, которые выставляли на усмотрения кандидатуры в царя. Старик понимал, что все они желали бы видеть на престоле безмолвного юнца, который бы раболепно склонялся пред их волей и был бы пешкой в руках высокомерной знати Уммы. Наконец, когда каждый из присутствующих выразил свое мнение, Укуш поднял руку вверх, давая знак, что последнее слово будет за ним. Еще давным-давно, когда царь был жив и здоров, жрец мечтал видеть на троне своего единственного сына, чьи амбиции и страсть к военному делу смогли бы уничтожить врагов Уммы, объединив раздробленные города Шумерии в единый кулак. Но хитрый старик понимал, что сказать об этом на совете никак нельзя, ибо это может спровоцировать вражду между высокопоставленными семьями города, начнется внутренняя война между кланами, а этого допустить никак нельзя, ибо Умма и так позорно платит дань ненавистному царьку Лагаша, который, наверное, сейчас довольно потирает руки, глядя на то, как знать Уммы борется за власть. Это напомнило Укушу зрелище на арене неподалеку от дворца, когда ради потехи зрителей натравливали друг на друга голодных львов, которые с неистовой жестокостью разрывали друг другу в клочья. Кровь заливала всю арену, животные откусывали друг у друга куски плоти под взрыв ликования и хохот толпы. Теперь же вельможи Уммы сами оказались в роли львов, а город ареной. Но мудрый жрец не допустит позорного зрелища ради потехи Лагаша! Он решил, что пора действовать тайно и скрытно, дабы никто не смог усомниться в справедливости небожителей.

– Господа, – воскликнул Укуш, все разом замолкли и повернулись в его сторону, – я долго слушал вас, и мне приятно, что вы так рдеете над судьбой нашего славного города. Но позвольте мне сказать: мы к глубочайшему сожалению так и не пришли к единому решению, в то время,

как проклятый царь Лагаша сейчас потирает своего руки в предвкушении кровавого пира. Мы не должны уподобляться рыночным торговцам, которые разными способами пытаются продать непригодный товар. Ноши боги хотят, чтобы мы верили наши судьбы в их руки. Настал черед и небожителям сыграть решающую роль в судьбе нашего города Уммы.

– Ты говоришь мудро, достопочтенный Укуш! – воскликнули сановники, не желая спорить с жрецом, который не только был вторым человеком после царя, но и имел власть над людьми.

– Тогда вверьте свои судьбы Энлилю. Да сбудется воля богов! – старик встал и залпом выпил из золотой чаши вино.

– Да сбудется воля богов! – прокричали сидящие за столом и последовали примеру жреца.

На следующий день, рано утром, когда солнце только окрасило в золотистый цвет далекие барханы пустыни, возле главного храма было полно народу. Даже простолюдины хотели посмотреть на чудо-зрелище, когда сам верховный бог изберет своим наместником на земле кого-нибудь из знати.

Каждый из кандидатов в цари должен был принести в жертву богам щедрые дары, после чего боги решат: достоин ли этот человек верховного звания или нет? К алтарю подошла процессия жрецов в длинный белых одеяниях во главе в Укушом. Их тела, умащенные благовонными маслами, блестели при свете факелов, которые горели по периметру главного зала в храме между рядами толстых колонн. В глубине зала прогремел барабан, все разом смолкли, даже не было слышно шуршания одежды. Когда барабан смолк, Укуш вытянул перед собой жилистые руки и пропел молитву, хор жрецов вторил ему; слова священного заклинания раздалась по всему храму. Тут из-за колонн вышел другой жрец и произнес слова, обращенные к толпе:

– О народ Уммы! Всмотритесь на волю богов.

После этих слов по очереди стали подходить к алтарю кандидаты в цари. Каждый из них нес в своих руках дары храму: сосуды с благовониями, золото и серебро, драгоценные камни, лучшие ткани. Очередь подошла к Лугальзагесси. Молодой человек на секунду встрепенулся, но затем, взяв себя в руки, уверенной походкой подошел к жертвенному алтарю и велел слуге подтащить туда овцу и быка. Когда животные с мычанием и блеянием предстали перед алтарем, молодой человек взял нож и перерезал им горло. На каменные плиты закапала темная кровь, которая потекла дальше по полу, образуя красный ручей. Жрецы подставили под кровавую струю большие чаны, и когда те наполнились теплой кровью жертвенных животных, они разлили кровь перед статуями богов, повторяя одни и те же заклинания. И тут случилось неслыханное, ибо все разом уставились на золотую статую Энлиля, который вдруг повернул свою голову в сторону Лугальзагесси и склонил ее в знак почтения. Толпа загудела и упала на землю, касаясь лбом холодного пола.

Лугальзагесси оторопел и уставился на статую золотого бога большими карими глазами. Нет, не может быть, думалось ему, это просто сон, статуя не может ожить. Но ему не дали время долго раздумывать над случившимся: жрецы склонились перед ним в низком поклоне, а верховный жрец надел на его голову царственный венец и воскликнул:

– Бог принял твою жертву, сын мой! Теперь по воле Энлиля ты – наш повелитель, – затем Укуш повернулся к толпе и воскликнул, – о народ, боги избрали себе наместника. Да сбудется их воля!

– Славен Лугальзагесси, наш царь! – загудели толпа и разом склонили головы в низком поклоне пред новым царем Уммы.

Лугальзагесси почувствовал, что у него вдруг закружилась голова. Все происходящее показалось ему сном, который должен вот-вот закончиться. Но сон не заканчивался, люди кри-

чали приветствие новому повелителю, и даже верховные сановники склонили свои головы в низком поклоне, когда его провожали их храма большая процессия жрецов и рабов.

Праздник по случаю коронации длился почти месяц. За это время Лугальзагесси сочетался с браком царевны Нанистой, старшей дочерью бывшего царя, которая молча приняла волю совета и послушно приготовилась к свадебной церемонии. Служанки и рабыни день и ночь готовили свадебное платье для принцессы, подбирали украшения из золота и серебра, плели венки из роз, которыми украсят потом брачное ложе. Все это время юная принцесса оставалась в своих покоях, изредка принимая у себя сестер и подруг, которые приносили ей дары и признания как будущей царицы и первой женщине Уммы.

В день свадьбы рано утром служанки приготовили теплую воду в мраморном бассейне, куда набросали множество лепестков роз. Наниста долго нежилась в теплой воде, а в это время рабыни протирали ее длинные каштановые волосы душистым мылом и ароматическими маслами. После водных процедур юные девушки накрасили ногти принцессы красным лаком, наложили на ее лицо макияж, умастили тонкое тело маслом черного дерева и надели на нее шикарное свадебное платье. Платье было бежево-зеленого цвета с золотистым отливом. На груди блестели драгоценные камни, золотой пояс туго стягивал хрупкую талию Нанисты, которая сморщилась от боли, когда одна из женщин закрепила его сзади тяжелой заколкой. В довершении образа служанки собрали длинные локоны на макушке в виде башни и скрепили прическу серебряными заколками в виде цветов, в центре которых переливались рубины. В самом конце женщины накинули на голову невесты прозрачную шаль, которая скрывала ее лицо и повели за руки по длинным коридорам дворца.

Наниста, увешанная драгоценностями и умащенная благовониями, вдруг почувствовала нестерпимый холод внутри, хотя стояла жаркая погода. От волнения сердце ее забилось все быстрее и быстрее, руки оледенели, словно их погрузили в ледяную воду. Девушка глубоко вздохнула, желая поскорее избавиться от этого неприятного ощущения. Как бы она сейчас хотела стать младшей дочерью царя, которая никогда не удостоилась бы такой чести, но в то же время в нее был бы шанс выйти замуж за того, кого сама выбрала бы. Но ей, как старшей принцессе, нельзя было и думать об этом. Ее участь давно предрешена: она выходит замуж за человека, которого никогда не видела и не знает, становясь царицей Уммы и в то же время самой обсуждаемой женщиной города, которая должна будет всегда и везде держаться так, словно она богиня, а не живой человек, безукоризненно выглядеть в любое время дня и ночи, не давая себе расслабиться хоть на секунду, и самое главное – родить сына, ибо только с рождением наследника она сможет рассчитывать на милость своего мужа и господина. Ах, думала Наниста, если бы Иштар послала бы мне сына, я была бы самой счастливой женщиной, но как сложится моя судьба? А если царь возненавидит меня, что мне останется делать, как ни влачить жалкое существование, играя роль великой царской женой, и в то же время быть более бесправной в своем собственном доме, чем рабыня? Такие мысли посетили голову юной принцессы, когда ее паланкин приближался к воротам главного храма, где ждал прибытия своей будущей жены новый царь Уммы.

Процессия царя и царицы встретились на территории главного храма, где жрецы уже приготовили жертвенный огонь, баранов на заклание и большие чаны с красным вином. Рядом с алтарем возвышался постамент, накрытый разноцветной тканью. На постаменте стояли два золотых кубка. Лугальзагесси – с одной стороны, и Наниста – с другой, подошли к алтарю и опустили головы вниз, не смея посмотреть на главного жреца, который приготовился читать молитву и заклинания, дабы боги благословили этот брак на долгие годы. Жених и невеста ждали окончания молитвы, и в завершении двое слуг подняли две чаши с вином и отдали в руки новобрачным, дабы те испили напиток богов. Укуш трясущимися руками завязал ножки чаш и произнес: «Да испейте эти чаши до дна, скрепленные алыми лентами, чтобы вы жили вместе без разлуки и горя! Пусть боги даруют вам светлое потомство и наследника, который

займет место отца своего, когда он покинет этот мир. И да пусть будут ваши дочери услодой для глаз ваших, чтобы вы смотрели на них с любовью и нежностью. Испейте вино!»

Раздалась барабанная дробь. Все разом смолкли и устремили взоры на царя и царицу, которые пили из золотых чаш мелкими глотками. Вино разлилось по жилам, обдав сердце жарким пламенем. Когда напиток был испит до дна, рабы и рабыни сняли с головы невесты вуаль и впервые в жизни Лугальзагесси увидел супругу, дочь покойного царя, шестнадцатилетнюю Нанисту. Сначала она ему не понравилась. Молодой царь давно решил, что его идеалом будет прекрасная женщина с иссяня-черными волосами, жгучими карими глазами и смуглой кофейной кожей. Но его жена предстала в другом облике: у царицы были длинные каштановые локоны, светло-карие глаза и бледная кожа, что свидетельствовало о том, что в ее крови присутствует кровь иранского народа, отличающегося от смуглых шумеров светлой кожей и русыми волосами. Наниста застенчиво опустила взор и отвернулась. Одна из служанок накинула на ее голову прозрачную вуаль и отвела за руку на женскую половину. Мужчины же остались стоять у алтаря, готовясь к кровавым жертвоприношениям, во время которых сам царь должен был зарезать овцу, распотрошить ее и бросить мясо в огонь, а кровь, что прольется в медный таз, разлить у статуи богов, смотрящих на смертных пустыми, бездушными глазами.

Лугальзагесси, весь в овечьей крови, радостно улыбнулся, когда обряд с жертвенным мясом был покончен. Его отец подошел к нему и крепко обнял, тихо проговорив:

– Сын мой, я рад, что ты стал царем нашего славного города, получил в жены прекраснейшую из женщин. Теперь верши судьбы народа своего, и верь в небожителей, которые избрали тебя приемником на этой земле.

– Отец, – устало ответил молодой царь, который был недоволен не только браком с нелюбимой женщиной, но и короной, которую водрузили на него месяц назад, – я благодарен тебе за все, но... Но я не люблю Нанисту и не хочу входить в ее покои.

– Ты должен разделить с ней ложе, Лугу, – голос Укуша был подавлен, он смотрел на сына как на маленького капризного ребенка, которому дали не ту игрушку, – она царица, твоя законная супруга. Ты можешь не любить ее, оттолкнуть от себя, взять в жены еще много женщин, но помни одно: она должна родить от тебя сына, осчастливь ее, не дай ее почувствовать себя ненужной.

– Я понял тебя, отец, – с этими словами Лугальзагесси развернулся и крупными шагами пошел к выходу. За ним последовала многочисленная охрана, лакеи, служанки и вельможи, которые лицемерно пытались войти в доверие к новому правителю Уммы.

Солнце скрылось за горизонтом, и на темном южном небе появилась луна, ярко освещавшая путь странникам. Многочисленные звезды, точно драгоценные камни, рассыпались на небосклоне. Царь, в длинной зеленой тунике и красной накидке, расшитой золотыми нитями с причудливый узор, уверенно шагал по длинным коридорам дворца. Он направлялся в покои царицы, которая с нетерпением дожидалась его весь день. Чувство, похожее на отвращение и злость ко всему происходящему, давно поселилось у него в душе с тех самых пор, когда отец приказал рабу незаметно закрепить канаты на шею и руки бога Энлиля и по очереди дергать их, чтобы статуя начала двигаться. Когда Лугальзагесси понял весь обман, не чувство благодарности, а неприязнь возникла у него в сердце по отношению к собственному отцу, который решил устроить судьбу сына подобным образом. Сначала молодому человеку захотелось рассказать всем про этот обман, но он вовремя остановился, понимая, что за такую ложь старого жреца казнят, повесив на главной площади. Именно это остановило его от раскрытия правды. Но еще большее неудовольствие царь почувствовал тогда, когда увидел женщину, которую ни разу не видел, и которая ему не понравилась. Идти к ней, делить с ней ложе абсолютно не хотелось, но по законам он должен был это сделать, как бы не противился этому.

Лугальзагесси подошел к массивной двери с золотым замком и постучал. Дверь медленно отворилась и на пороге комнаты показалась Наниста с распущенными волосами, которые словно звезды, блестели при неяром свете свечи. Царь решительным шагом вошел к своей жене и властным движением уселся на стул, стоящий рядом с маленьким столиком. Женщина смущенно поправила складки на своем легком одеянии оранжевого цвета с золотыми бусинами и медленно уселась рядом с супругом, позванивая множеством золотых браслетов.

Лугальзагесси долго всматривался в лицо Нанисты, которое покраснело от смущения. Молодой человек привстал и грубым голосом сказал:

– Прикажи служанкам принести вина.

– Да, супруг мой, – молодая царица встала и трижды хлопнула в ладоши. В дверях показалась тучная женщина, закутанная с ног до головы пестрым палантинном, – принести вина и фруктов, и поживее.

Когда служанки внесли в покои поднос с персиками, сливами, грушами и виноградом, Наниста сама разлила в две золотые чаши вина и подала одну мужу. Тот залпом выпил вино и, посмотрев на жену, спросил:

– Почему ты так скромно ведешь себя в моем присутствии?

– Извини, супруг мой, я просто боюсь прогневить тебя чем-нибудь.

– Ты должна сделать все, чтобы я полюбил тебя, а мне не нравится такая угодливость.

Мне по сердцу властные женщины.

– Прости меня, я не знала, я попытаюсь исправиться, – Наниста встала на колени и склонила голову в поклоне.

– Ты должна исправиться, ибо в мое отсутствие ты будешь управлять страной. И любое неповиновение тебе будет являться неповиновением ко мне. Ты должна быть сильной и решительной, уметь поддержать разговор и знать тонкости политической дипломатии, ибо ты – первая женщина Уммы, царственная супруга и главная жена в моем доме.

– Я понимаю тебя, супруг мой. Можешь рассчитывать на меня.

– Буду надеяться.

Дальше разговор Лугальзагесси решил не продолжать. Он и сам не понимал, почему все его раздражало в жене: ее голос, одежда, лицо, волосы и даже манера вести себя. Нет, не сможет он полюбить ее, не сможет, не сможет разделить с ней ложе, а на утро показать всем окровавленную простынь. Нет, только не сегодня. Пусть Наниста подождет своего часа, пусть. В его голове встал образ Лии, любимой наложницы и самой прекрасной женщине на свете, чья красота так пленила и манила его с тех самых пор, как он впервые увидел ее, танцующую словно бабочка, в пиршественном зале. Ноги сами пересекли множество коридоров и очутились на женской половине, где располагался гарем царя. Лугальзагесси прошел мимо мраморного бассейна и встретился лицом к лицу со старой кормилицей, которая следила за тем, чтобы молодые наложницы ни в чем не нуждались.

– Какая честь для нас, что ты посетил нас, повелитель, – старуха с кряхтеньем согнулась в поклоне, а потом медленно выпрямилась.

– Где Лиа? – спросил молодой царь, с нетерпением ожидая встречи с красавицей.

– Она у себя.

– Позови ее, я желаю видеть ее в самом лучшем виде.

Пока Лугальзагесси возлежал на шелковых подушках, равнодушно теребя шелковые кисти, в зал бесшумно вошла Лиа, одетая в белую полупрозрачную тунику. На голове у нее красовался венец из серебряных цветков, кисти рук были унизаны множеством браслетов, звенящих от каждого ее движения. Аромат масел исходил от ее стройного соблазнительного тела, которое пленило Лугальзагесси сразу, с первого взгляда. Девушка тихо подошла к царю и низко склонила голову. Лугальзагесси обернулся и широко улыбнулся, с упоением рассматривая прекрасную розу, которая еще пышнее расцвела в его царском гареме. Лиа протянула

точены ручки, и молодой царь сжал их, покрывая страстными поцелуями. Девушка прильнула к его груди и поцеловала в губы, обдав своим сладким дыханием лицо молодого повелителя. Лугальзагесси дотронулся кончиком пальца лица красавицы и вдруг почувствовал, что какая-то тревога и неясное томление вновь поселились у него в душе. Страсть быстро исчезла, ему больше не хотелось ни обнимать Лию, ни видеть ее. Он встал и ушел из комнаты, оставив любимую наложницу в полном недоумении.

Лугальзагесси вышел в сад, где никого не было. Фруктовые деревья склоняли свои ветви до земли, диковинные цветы источали приятный сладковатый аромат, который будоражил кровь. Неподалеку слышалась вода, бьющая из фонтана, в которой отражались мириады звезд. Царь поднял голову и увидел бескрайний небосклон, завернутый в ночную пелену. Полная луга ярко освещала все вокруг, а звезды, вторя ей, переливались ясным светом. Где-то вдалеке, почти за горизонтом, упала одна звезда. Лугальзагесси подставил руку и представил, что звездочка падает ему на ладонь и согревать теплом его остывшее сердце. Нет, нельзя так поступать, думал царь. Все они ждут меня, все надеются на мое решение. Он посмотрел на дворец и заметил, что окно в покоях царицы светится тусклым светом. «Так значит, Наниста все еще ждет меня, – подумалось ему, – она любит меня и будет ждать всегда, а я так подло поступил с ней, ушел. Думал, что Лиа утешит меня, но и с ней то же самое. Все они лишь пресмыкаются и падают к моим ногам, так какая разница: Наниста или еще кто-либо из женщин?»

Лугальзагесси вошел во дворец, отослал всех слуг и вернулся в покои жены уже без стука. Наниста радостно подбежала к нему и крепко обняла.

– А я думала, ты уже не придешь. Я ждала тебя.

Царь взял ее руки в свои и от этого прикосновения ему стало тепло и уютно, какая-то нежность овладела им. Эти краткие слова, сказанные с такой любовью и искренностью, значили теперь больше, чем тысяча слов наложниц о верной любви.

– Я пришел, чтобы стать твоим мужем.

Царица нежно взяла его за руку и провела к кровати, которая стояла за колоннами под золотым пологом. Постель, состоящая из множества подушек и шелкового покрывала источало аромат роз и лилий, которыми была засыпана. Лугальзагесси скинул накидку, а затем и тунику, оставшись без ничего. Наниста плавными движениями рук сняла платье и легла вместе с супругом на брачное ложе. Аромат, исходивший от ее тела, волос, дыхания, был настолько приятен, что взбудоражил ум Лугальзагесси. Молодой человек провел сильной рукой по телу жены и впервые в жизни заметил, насколько оно прекрасно. Длинные стройные ноги, тонкая талия, большая упругая грудь, лебединая шея, точены ручки с длинными пальцами, прекрасное лицо без какого-либо изъяна, шикарные длинные волосы ниже талии – все это явило образ неземной красоты.

– Как ты прекрасна, любимая моя, – тихо произнес Лугальзагесси, целуя ее руки и шею, – ты прекраснее любой женщины, прекраснее самой Иштар.

– Не говори так, любовь моя. Я всего лишь женщина, – ответила нежным голосом Наниста, прижимая к своей груди голову супруга.

– Нет, ты не женщина, ты богиня! Ибо земная женщина не может быть так прекрасна, как ты! Твоя красота не сравнится ни с чем. Ни одна наложница моего гарема не стоит и близко к тебе, ибо ты идеал женской красоты, боги создали тебя такой, чтобы все узрели истинную красоту!

– Ты тоже красив, мой супруг. Я полюбила тебя сразу, как только увидела. Твой высокий стан, благородный профиль – разве может женщина устоять пред таким мужчиной?

– Но ни один мужчина не устроит перед твоей завораживающей красотой. Ах, какие красивые ноги! – Лугальзагесси поцеловал колени и ступни ног Нанисты. – Какие руки! Какие красивые глаза, какие волосы! Неужели можно быть такой красивой?

– Ты божественно прекрасен, Лугу! Сам Энлиль снизошел к твоей матери, чтобы она родила тебя.

– Нет, это ты – сама Иштар. Скажи мне, богиня красоты, кто ты? Не верю, что женщина может быть настолько красивой.

– Ах, супруг мой, я так люблю тебя!

– Сами боги, наверное, завидуют мне сейчас, что мне, смертному, досталась самая прекрасная из всех, кто-либо родился на земле, – царь крепко обнял жену и с неистовой любовью прильнул к ее губам.

Наниста целовала мужа в губы, лоб, шею. Она была так счастлива, что не могла удержаться от слез, ибо она сейчас любила Лугальзагесси больше чем кого-либо. Юная царица не хотела, чтобы эта дивная ночь, когда она первого мужчину, закончилось. Все было как в волшебном сне. Лугальзагесси искренне полюбил жену, забыв обо всех женщинах своего гарема, ибо все они уступали в красоте Нанисте, и самое главное, никто из них не любила его больше, чем она.

Небо на горизонте начало постепенно розоветь. Небо окрасилось в фиолетовый цвет, луна давно скрылась за небосклоном, оставив после себя тусклые звезды. И вот солнце осветило лучами край неба, которое с каждой секундой становилось все светлее и светлее. Показалось и само светило. Белая пустыня на горизонте и прилегающие к ней песчаные холмы в этот миг осветились ярким светом, точно были сделаны из золота. В саду зачирикали птицы, а в коридорах послышались шаги множества ног, которые встали у дверей спальни новобрачных, ожидая появления царя.

Лугальзагесси со своей любимой женой немного вздремнули после бессонной ночи, полной любви и страсти. И лишь перед самым рассветом им удалось хоть немного отдохнуть, погрузившись в столь сладкий, но короткий сон. Царь открыл глаза и блуждающе посмотрел на потолок, скрытый от глаз тонкой материей полога. Он взглянул на Нанисту, так мирно спавшую на его груди, и нежно провел по ее длинным шелковистым волосам, ощущая сладкий запах благовоний, исходивший от них. Молодая царица проснулась и медленно потянулась своим стройным телом, которое привело в восторг искушенного Лугальзагесси. Молодые супруги обнялись и поцеловались, после чего царь встал и спросил:

– Ты готова?

– Неужели час настал?

– Да, все ждут нашего появления.

Наниста быстро встала с постели, накинула на себя алую тунику с красивой вышивкой, голову покрыла тонкой шалью, после чего взяла стоящий рядом на подносе стакан, наполненный белым порошком, и взяла в руки специальную щетку для чистки зубов. На щетку она сыпала немного порошка и почистила зубы, которые разом стали белее; после этого царица прополоскала рот розовой водой и протерла небо листьями мяты. Когда она закончила данную процедуру, Лугальзагесси был уже готов. В его руках красовалась белоснежная простынь с пятнами крови, свидетельствующие о непорочности молодой жены. Мужчина взглянул на смущенную жену и мягким голосом сказал:

– Выйдем к ним, любимая моя.

– Я готова, царственный супруг мой.

Вместе они отворили массивную дверь и увидели толпу вельмож, слуг, женщин из гарема, жрецов и повитух. Все они пристально всматривались в лицо царицы, пытаясь понять ее скрытые тайны. И тут Лугальзагесси развернул простынь и коридор разом огласился радостными криками и песнями женщин. Мужчины хлопали в ладоши и поздравляли молодого мужа, который смог жениться на столь красивой и чистой девушке. Наниста, вся смущенная, прикрыла лицо концом вуали и ушла к себе в комнату, дабы служанки могли сделать ей прическу, умастить тело благовониями и подобрать новый наряд.

Лугальзагесси в окружении юных рабынь прошел в комнату, где находился большой мраморный бассейн, в котором ему предстояло искупаться прежде чем начнет совет по благоустройству Уммы. Вода была теплой, душистое мыло, которым его натирали, приводило в восторг, ибо царь должен быть всегда чистым и опрятным, как и подобает наместнику богов.

После водных процедур на его голое тело надели белую тунику, а сверху накинули алый плащ с причудливой вышивкой. В довершении царю водрузили тяжелую золотую корону и множество украшений из того же металла, украшенные драгоценными камнями. Лугальзагесси чувствовал себя не столь уютно в тяжелом наряде повелителя, но он понимал, что теперь ему нельзя да и не положено по статусу проявлять непокорность к традициям своего народа.

В окружении прислуги, рабынь и солдат царь вступил на престол, рядом с которым стоял другой трон, но чуть ниже – на нем восседала прекрасная царица, одетая в красное платье без бретелек с золотой окантовкой, на голове красовалась, переливаясь изумрудами и рубинами, царская диадема, которую когда-то носила ее мать. Теперь же она, Наниста, старшая и законная дочь царя сама стала повелительницей и первой женой царя. Нижняя часть лица ее была скрыта шелковой тканью, ибо никто из смертных не имел права смотреть в лицо божественной супруги.

Лугальзагесси встал рядом с тронном и поднял правую руку. Весь зал огласился приветствиями, которые выкрикивали всевозможные чиновники, сановники, писцы, жрецы, полководцы. Царь уселся на трон. К нему подбежали, одетые лишь в набедренные повязки, две нежноокие рабыни и преподнесли ему и царице по кубку вина. Лугальзагесси вместе с женой выпили столь любимый шумерами напиток, после чего присутствующие уселись на свои места.

Царь окинул грозным взглядом зал и сказал:

– Отныне я, Лугальзагесси, сын Укуша, буду повелевать вами и всей Уммой! Каждый мой указ – веление богов, и никто не смеет нарушить или ослушаться слово моего, ибо тогда постигнет его кара с небес, не будет ему прощения ни в этой жизни, ни в царстве мертвых. Я – ваш царь и повелитель, я буду охранять ваше имущество, ваших жен, ваших детей. Я возвышу вас до таких высот, о которых вы лишь мечтаете. Пусть презренный царь Лагаша дрожит от страха, ибо мне велено богами отомстить за поруганную честь царей прошлого, я отомщу за наше унижение, и тогда вся Шумерия станет подвластна мне. А потом я обращу свой взор на юг в Египет, страну фараонов, которые копят свои богатства и ждут приятного момента, чтобы покорить нас. Но мы, шумеры, никогда не станем рабами заносчивых египтян. Мы – великий народ, мы – первые, кто создал великую цивилизацию. Наши боги помогут мне в моих начинаниях. Кто со мной?

– Мы!! – весь зал окатил крик солдат и полководцев, и лишь чиновники и вельможи, привыкшие за долгие годы нежиться у себя на виллах, издали слабый звук, который поглотился радостными криками вояк.

После трапезы Лугальзагесси принялся умирять враждующих и устанавливать справедливость. Много обиженных людей приходило к нему; кто-то поссорился с соседом из-за клочка земли; кто-то никак не решался развестись с женой; у кого-то были проблемы с детьми, которые оставили престарелых родителей без средства к существованию. Молодой царь выслушивал каждого пришедшего с должным вниманием и принимал окончательное решение, посоветовавшись со своим мудрым отцом. И в последний миг, когда прошение подходило к концу, в ноги царя упал истощенный грязный человек с всклокоченной бородой и карими испуганными глазами. Пришедший, несмотря на столь жалкий вид, старался держаться с большим достоинством.

– Великий царь, помоги рабу твоему, ибо некому помочь мне в этом мире!

– Назови твое имя.

– Имя мое Асту, о царь.

– Зачем же ты пришел ко мне, Асту.

– Помоги, прошу тебя! Я был раньше богатым купцом, у меня было все, что хотелось желать: лавка, приносящая немалый доход, дом, прислуга, немного земли, скот. Но всего этого меня лишили. Я остался без денег, без лавки, без дома. А у меня жена и пятеро детей. Чем мне их кормить? Помоги!

– Как случилось, что ты разом потерял все богатство?

– Это не моя вина, просто я честный человек, не люблю давать взятки. А один богатый чиновник, имя которого Ибат.

– Ибат?! – воскликнул Лугальзагесси и в порыве гнева вскочил с трона, забыв о своем сане. – Сурру-Или, готовь колесницу, я направляюсь к Ибату!

Друг детства, а теперь командир армии, Сурру-Или побежал исполнять приказ, и через минуту царь уже мчался на своей колеснице, запряженной великолепными конями, к поместью чиновника и взяточника Ибат. Несчастный Асту, приобретя силу, бежал следом за царем, про себя читая молитвы Энлилю.

Лугальзагесси остановил колесницу возле высокого глинобитного забора и постучал в дверь. Ворота открыл слуга, который при виде царя упал на землю в раболепном поклоне. Лугальзагесси прошел мимо него, даже не удостоив того взглядом, и направился по тропинке, уложенной камнями, к большому дому с резными колоннами, рядом с которым был разбит живописный сад с фруктовыми деревьями, посреди которого был вырыт бассейн, в котором резвились маленькие дети.

Ибат сидел в своем кабинете, забитом бумагами, и читал доклад о новых поступлениях зерна, как вдруг к нему ворвался один из рабов и взволнованным голосом промолвил:

– Господин, сам царь явился к тебе!

Ибат, не смотря на тучность, резко вскочил и быстро побежал к выходу на своих коротких толстых ногах, боясь пропустить прихода повелителя. Тот, к радости чиновника, только ступал на крыльцо, внимательно оглядываясь по сторонам и замечая каждую мелочь. Ибат бросился к его ногам и поцеловал землю между своих рук.

– Мой повелитель, – проговорил он запинаящимся голосом, – как я рад видеть тебя в добром здравии! Я счастлив, что ты удостоился посетить мой скромный дом. Проходи. Я прикажу слугам принести лучшего вина.

– Не стоит беспокоиться, достопочтенный Ибат, – ответил равнодушным голосом Лугальзагесси, – я не голоден и пить не хочу. Просто решил навестить тебя. Твой дом поистине прекрасен. Почти ничем не уступает дому моего отца Укуша, а ведь он второй человек после царя.

– Что ты, мой повелитель, – пытался изворотиться проворный взяточник, – мой скромный дом не стоит и одной крупницы славного Укуша.

– Вот именно, – царь повернулся к Ибату и грозно посмотрел на него в упор, – с каких пор видано такое, что чиновник средней величины строит себе виллы стоимостью виллы верховного жреца? Откуда у тебя такие деньги, чтобы содержать такое поместье и гарем прекрасных женщин? А?

– Я... я... все объясню, я много работал и... – Ибат совсем потерял дар речи. Его язык стал заплетаться, а все мысли разом улетучились из головы, полной хитростей и коварства. Ноги чиновника подкосились и, не выдержав больше, несчастный упал на каменный пол и стал умолять пощадить его.

– Встань на ноги, сын ослицы! – закричал Лугальзагесси, выходя из себя. – Быстро говори, откуда взял столько денег?!

Ибат только хотел было что-то сказать, как к ним подбежал Сурру-Или и воскликнул:

– Великий царь, посмотри, что мы нашли у этого толстопуза, – и молодой человек вместе с солдатами направился в амбары, где хранилось зерно. Амбар был доверху наполнен злаками, которые собирали крестьяне с полей. Ибат весь побледнел. От страха он сжался, готовый к любому удару. Лугальзагесси схватил его за тунуку и протянул к себе:

– Откуда у тебя это?

– Я все объясню, только помилуй! – взмолился несчастный, явно ожидая, что рука царя, держащая заостренный меч, опустится на его голову.

– Я знаю, – проговорил Асту, стоящий позади них, – Ибат обманывал не только купцов, но и дворцовых писцов, что вели счет зерна. Много из того, что причислялось царскому дому, этот негодяй присваивал себе, а потом продавал втридорога!

– Это правда? – прокричал царь и толкнул Ибата так, что тот упал на землю. – Это правда, что он сказал? Да или нет?

– Господин, я все объясню, только...

– Отвечай, да или нет?

– Да.

Сурру-Или поднял Ибата и связал ему руки. Тот покорно опустил голову и пошел вслед за конвоем, который вывел его на оживленную улицу. Оставшись один, Лугальзагесси повернулся к Асту и сказал:

– Возьми зерна, сколько тебе надо. Потом пойди к главному казначею и перечисли все, что у тебя отнял Ибат. Все будет возвращено и ты сможешь снова заниматься торговлей. И отныне твои дети не будут больше голодать.

– Спасибо тебе, повелитель. Да вознаградят тебя боги! – счастливый купец опустил на землю и склонил голову перед царем, и когда выпрямился, того уже не было рядом.

На следующий день рано утром состоялся суд над незадачливым Ибатом, который многие годы где хитростью, где подкупом увеличивал свое состояние, переписывая на свое имя зерно, принадлежащее царской семье. И вот в день, когда на площади собралась толпа горожан в ожидании приговора, солдаты патрулировали улицы, дабы пресечь всевозможные склоки между простолюдинами, которым хлебом не корми, дай посплетничать о власти имущих. И вот в самый солнцепек, когда светило бросало яркие лучи на прожженную пыльную землю, царский глашатай открыл двери судебного дома и, раскрыв толстый пергамент, на котором был написан вердикт Ибату, прочитал сильным высоким голосом:

– Жители Уммы! Слушайте и запоминайте. Благодаря помощи богов, чье благословение легло на нашего царя Лугальзагесси, сына Укуша, нам удалось раскрыть обман Ибата, числившегося чиновником при отделе писцов, занимающимся торговлей и подсчетом зерна. Ибат обманом завладел имуществом, ему не принадлежащим; он брал взятки с купцов в крупном размере и заставлял платить ему деньги каждому, кому понадобилась его печать. Суд принял вердикт: отнять все имущество у Ибата, вернуть зерно в царские амбары, снять с должности Ибата, а всем пострадавшим от его козней купцам вернуть их деньги.

Толпа разом загудела. Мужчины и женщины подняли руки к небу, благословляя царя. Один из судей, который до этого находился в зале суда, вышел с мешочком в руках и поднял его вверх, дабы купцы Уммы могли лицезреть дар правителя. Глашатай зачитал список купцов, которым полагалось выплатить деньги из тех, что были отняты у них. Торговцы выстроились в очередь, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения и радости, которая наконец-то снизошла к ним, простым смертным, обманутым и обездоленным. Они были счастливы: теперь их семьи не будут голодать как раньше. Жены смогут купить себе новые платья, а дети сладости. Когда глашатай сыпал каждому купцу монеты в их ладони, те разом падали ниц, благодаря судей и царя Лугальзагесси, которые проявили великодушие и справедливость.

Вечером целая вереница купцов вместе с семьями и жертвенными животными направилась к главному храму, дабы воздать благодарственные молитвы царю и принести жертву Энлилю. До поздней ночи в храме горели яркие огни, кровь овец и быков лилась на холодный каменный пол, по которому ходили тысячи ног. Подошва сандалий молящихся стала липкой от крови, а жрецы в белоснежных одеяниях, воскуря дурмящие благовония, с улыбкой принимали порубленные на части туши животных и складывали их в специальные чаны, которые

потом уносили безмолвные рабы на кухню, где готовились всевозможные блюда для высшего духовенства.

Старый Укуш, восседая на золотом стуле вдали от всей суеты, с безразличным видом смотрел та кровавые жертвоприношения, от которых алтари богов становились красными. Запах крови и разделанной плоти витал по всему молельному залу, от которого становилось дурно верховному жрецу, раньше, в молодые годы, тоже когда-то в неистовом раже берущему нож для разделывания овец и быков. Теперь же Укуш лишь наблюдал за ритуалами в храме, все реже и реже появляясь среди молящихся.

Когда жертвоприношения завершились, слуги пригласили жреца поужинать перед убийством, но что Укуш устало ответил:

– Я не голоден. Прикажите моим носильщикам, пусть приготовят мой паланкин. Я уйду домой.

Так прошла еще одна ночь. Огни давно погасли. Очертания пустыни и барханов, виднеющихся на горизонте, растворились в кромешной тьме южной ночи. Где-то далеко-далеко выли гиены, устроившие драку из-за кости. Ночная птица взмахнула крыльями и перелетела на другую крышу дома. Ночная стража, стоящая с копьями наперевес возле стен города, не заметила человеческую фигуру под капюшоном, которая спрыгнула на землю и растворилась в темноте.

Прокричал петух, возвещая о приходе нового дня. Яркая полоска света показалась на горизонте, окрасив далекие песчаные холмы в красный цвет. На улицах Уммы появились первые прохожие, неся на своих загорелых плечах мотыги, мешки и кувшины с водой. Постепенно город проснулся. Открылись лавочки купцов, выставляющих на продажу свой товар: только что испеченный душистый хлеб, овощи и фрукты, глиняные горшки и плошки, ткани, дешевые украшения, косметику для женщин. Толпа прохожих теснилась в узеньких улочках рядом с лавками, выбирая товар или просто с любопытством рассматривая красивые ткани, на которые не было денег.

Громко шумя, пробежала стая ребятишек-школьников, спешащих на урок в храмовую школу. Прошли с важным видом купцы и жрецы низшего ранга. Несколько чернокожих рабов с клеймом на руках тащили на себе тяжелые мешки, сгибаясь под их весом. Прошли важные дамы в окружении служанок, одетые в пестрые одежды и множество золотых браслетов, блестящих на солнце. Привычная жизнь вернулась в Умму.

В это время Лугальзагесси, позавтракав вместе со своей любимой женой, отправился в сопровождении Сурру-Или, ставшего его правой рукой, в казармы солдат, что располагались в черте города. Царь подъехал на своей колеснице к одноэтажным постройкам, лепившимися друг к другу, и вошел внутрь, очутившись на площадке, где проходили учения. Солдаты вот уже несколько лет не участвовали ни в одном сражении, все свое время проводя в казармах среди таких молодцов. Постепенно лень начала одолевать и их. Учения велись постольку поскольку; оружие заменялось деревянными мечами и дротиками, похожими больше на детские игрушки, в которых играют маленькие мальчики.

В самих казармах стоял затхлый воздух, будто их давно никто не проветривал. Большая паутина в углу и дырка в полу, прогрызенная мышами, свидетельствовали о полном запустении армии. Солдаты при виде царя разом вскочили с места и низко склонились перед ним. Лугальзагесси радостно поприветствовал их и приказал позвать к нему командира.

Командир, тучный мужчина с большими волосатыми руками, предстал перед царем и склонил голову, боясь посмотреть ему в глаза. Лугальзагесси уловил его смущение и спросил:

– Хорошо ли проводятся учения и зачисление новобранцев в ряды войска?

– Хорошо, ваше величество! Солдаты ни в чем не нуждаются, – проговорил командир низким, гнусавым голосом, стараясь казаться веселым.

Царь измерил крупными шагами одну из комнат и указал на пыль и паутину:

– А это что?

– Это... это... Понимаете, ваше величество, у нас нет времени на уборку, – командир, имя которому было Нанту, понял, к чему значит этот разговор.

– Значит, нет времени. Так?

– Именно так, царь.

– Хорошо, заставь солдат вычисть всю эту пыль и грязь, и проветривайте хоть иногда комнаты. Здесь стоит вонь!

– Я мигом.

– Подожди, – Лугальзагесси грозно посмотрел в глаза Нанту и воскликнул, – почему казармы в таком упадке? Где наша непобедимая армия, с которой я отправлюсь в поход? Солдаты ленивы и необразованные. Все это учение, которое я видел недавно, похоже на детскую игру, не достойную тех, кто пришел служить мне! С этого дня все изменится, и для тебя тоже.

Нанту в ужасе отступил на шаг, боясь удара мечом со стороны Сурру-Или, который стоял рядом и слушал весь разговор. Но царь не дал никакого знака своему верному другу, а лишь усмехнулся и добавил:

– Прикажи слугам убрать все казармы – в них должен быть идеальный порядок. И заставь всех солдат без исключения целыми днями проводить в учении. Мне необходима сильная и несокрушимая армия, а не толпа тушканчиков, привыкших к отдыху под солнцем. Ясно?

– Да... да, ваше величество. Все будет исполнено.

Нанту был вне себя от радости. Ему даровали жизнь, хотя бы на короткое время. Через два часа казармы сияли чистотой, окна были раскрыты, постели застелены чистыми простынями, дыры в углах забиты досками, а солдатам дали новое задание – научиться биться двумя руками сразу, держа в одной меч, а в другой – секиру.

Но на этом дела Лугальзагесси не завершились. Он наклонился к уху Сурру-Или и тихо прошептал:

– Прикажи лучшим зодчим города собраться неподалеку от оазиса перед закатом. Казнен будет каждый, кто опоздает. Выполняй приказ.

Сурру-Или низко поклонился и вскочил на гнедого коня, который разом скрылся за поворотом. Царь, оставшись на месте, довольно потер руки и подумал: «Готовься, царь Лагаша. Справедливость скоро восторжествует».

Когда солнце начало клониться к горизонту, окрасив в закатных лучах верхушки пальм и окрестные холмы, сотни людей и выючных животных поспешили обратно в город, торопясь поскорее вернуться домой. Пыль от множества ног, крики ослов и рычания верблюдов, блеяния овец и мычания коров – все слилось в единый гул и пронеслось по узеньким улочкам Уммы, соединившись с голосами людей. Никто из прохожих не заметил всадника в обычных кожаных доспехах, пронесшегося на вороном коне в окружении лишь одиннадцати человек. Никто не мог даже подумать, что это сам царь Лугальзагесси, который спешил как можно скорее добраться до городских ворот, где неподалеку его ожидали десять архитекторов с глиняными табличками в руках. Их белоснежные туники колыхались на легком ветру, а иссяня-черные волосы блестели в предзакатных лучах солнца. Один из них, оторвав взгляд от солнца, увидел, как к ним подъехал всадник и быстро спрыгнул на землю, выпрямившись во весь свой высокий рост. Рядом с ним предстал невысокий коренастый молодой человек с некрасивым лицом, который указал рукой в сторону архитекторов и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.